

2 1962

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВД»



«...Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС



«...Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм».

В. И. ЛЕНИН

«...Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения».

К. МАРКС



«...Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран...».

В. И. ЛЕНИН

ОЛЕНЬИЯ

Юность нашей страны на пороге знаменательного события — очередного XIV съезда Комсомола. Знаменательность и особая важность этого события в том, ведь комсомол созывает свой съезд в дни, когда великая Программа коммунистического создания вызвала в стране могучий коллективный подъем, в дни, когда Коммунистическая партия Советского Союза указала нам самый лучший и самый верный путь построения нового общества. Это сейчас задача конкретная, практическая. И не случайно самой характерной приметой времени стало упоминание и развитие роста коммунистических отношений. Все чаще и чаще сталкиваемся мы с явлениями, которые вчера еще были одиночными, исключительными, а сегодня преводит в рядов повседневных, массовых. Не случайно с высокой трибуны XII съезда КПСС так часто звучали слова, обращенные к молодежи. Ей строил коммунизм, ей жить при коммунизме.

И, всматриваясь в юношей и девушек, занятых на первый взгляд обыденными делами и заботами, с радостью чувствуешь, как уверенно и высоко несет в своих руках Ленинский комсомол великое знание молодежи. Это он вернул к жизни миллионы летавших в космос раньше времени. Это он ободил удрученных комсомольцами крупнейшие новостройки страны. Это по его призыву юность отправляется в восточные и северные районы, чтобы осмыслить так неисчерпаемые богатства, ставит их на службу народу.

Редакция «Смены» пригласила к себе группу комсомольцев. Пригласила тех, кто в разных уголках страны на разных участках своими руками создает материальную основу будущего общества. Давайте познакомимся с ними, посмотрим, как живут эти люди.

...Вот шофер Карельского лесромхоза Ми-

хаил Готчев. Он уроженец этого сурового и красивого края, где серый камень, ледяная глубина озер, осенними могучими кронами хвойных великанов, создают неповторимую картину северной природы. Он и работает там, где родился. Но Михаил не замыкается в кругу производственных дел. Готчев заседает в товарищеском суде, состоит в народном дружиннике, выступает как артист самодеятельного драматического коллектива.

Есть у юноши заветная цель: выполнить «свою» сменку за четыре с половиной года. И Михаил уверен, что осуществит намеренное. Что заслет в него эту уверенность Михаил говорит так: «Взманная выручка у нас сильна. Шоферы — народ сплоченный. Помогаем друг другу в работе. Если у одного поломка никак случится, другой никогда не пройдет мимо, обязательно поможет...»

Так принцип морального кодекса строителя коммунизма — каждый за всех, все за одного — уже определяет жизнь и труд этих юношей.

Во время беседы в редакции, узнав, что Готчев — работник Карельского лесромхоза, бригадир токаря Алтайского тракторного завода Виктор Беседин написал ему записку. Обращаясь к человеку, работающему на машине Алтайского завода, он спросил, не жалуются ли трактористы на гидророллинды. Это как раз те детали, которые выпускает бригада Беседина. «Не жалуются», — был ответ.

Бригада Виктора Беседина недаром носит имя коммунистической. Путь к этому почетному званию для молодых алтайцев был исполнен великой работой в 1957 году. Комсомольцы коллективно «расширили узкое место, предложили свой проект перепланировки рабочих мест, модернизировали оборудование, механизировали все ручные операции. В резуль-

тате перешли не только на односменную работу [до этого работали в две смены], но и значительно обогнали труд.

К интересному новшеству привело молодых тракторостроителей освоение новых профессий. Выравнилась квалификация — все подошло к одному разряду. Это позволило ввести бригадную оплату. Бесединцы решили: «Раз идем в коммунизм, то нечего считаться — кто в него работает. Все общее».

Кто-то спросил у Виктора: не прядется ли в бригадную оплату опасное мало уравниловки? Этот вопрос не застал его врасплох. «Уравниловка и нас никакой нет! — ответил Виктор. — Все хорошо зарабатывают за счет перемножения плана».

Мысленно перешагивая границу беседы, я думаю о том, что стремление этого парня приобрести друзей к своему пониманию нового бытия стало для него жизненной потребностью. И еще: он очень масштабен, это молодой человек. Он мыслит крупными категориями, и практично своего конкретного дела идет от большой и серьезной работы — мысли. Он преклонен достоинству, этот человек, которому великая Программа позволила влиться в Завтра и увидеть его так же ясно, как сегодняшнее утро.

У всех общее, и у каждого свое... Среди приглашенных был Леонид Неделин, обогнавший цеха трансформаторной стали Ново-Липецкого металлургического завода. Леонид может часами рассказывать о своем цехе. И его не надо слушать потому, что его рассказ не менее увлекателен, чем любая приключенческая повесть. Здесь свои бури и шторма, пучина неизвестности и лизак колонн-дальноводов. Произносил обычное слово «цех», Леонид невольно улыбается. Ведь так называется сооружение, где можно свободно разместить десять дворцов спорта. Моло-

«И теория марксизма-ленинизма» — так назвали серию эстампов художники Кирилл Соколов, Борис Гушин и Алексей Ардыбушев. Это первая работа из возникшего совсем недавно творческого коллектива.

За плечами каждого из этих художников — сравнительно небольшой творческий путь. Кирилл Соколов впервые выступил со своей значительной работой в 1957 году. Тогда серия гравюр-иллюстраций к роману Эльзы Триоле «Неизвестный» принесла молодому художнику звание лауреата XV Всемирной биеннале в Венеции. В минувшем году высшую оценку получили его триптих «Лун Араргон» и портреты Достоевского, Бюна, Баха. Борис Гушин успешно работает над ленинской темой. Им созданы рядышком и выходящая революционная «Иван» Вислюкьянса, «Рабуниге и Лосе Лисинской», диалогия «Обыкновенные вареники», «Детские и школьные годы В. И. Ленина», Алексей Ардыбушев — автор интересных традиционных работ, отмеченных на XV Всемирной фестивале молодежи дипломом второй степени. Вместе с группой художников Алексей Ардыбушев больше года работал на московском заводе «Серп и молот», где был создателем рядов, посвящающих триптих, посвященный бригаде коммунистического труда протачников.

Трое молодых, начинающих художников объединили в творческий коллектив желание создать серию эстампов, отражающих победные шествия по земле всепобеждающих идей марксизма-ленинизма. Художественное решение этой большой и сложной темы потребовало творческого освоения и продолжения главных традиций искусства советского плаката, которые берут свое начало в смелых новаторских работах выдающихся наших мастеров Д. Морава, В. Денин, И. Чернышев. Для того, чтобы создать серию эстампов, охватывающих огромный период — от появления «Коммунистического манифеста» Н. Маркса и Ф. Энгельса до принятия XXII съездом партии новой Программы КПСС, художники провели огромную исследовательскую работу. Достаточно сказать, что каждый лист эстампа (а их во всей серии двадцать) потребовал внимательного, глубокого знакомства почти с сотней работ классической марксизма-ленинизма; художники добрым словом вспоминают сотрудников Института марксизма-ленинизма, оказавших творческому коллективу несомненно помощь в их работе.

Сейчас художники приступают к работе над новой серией плакатов, посвященной выдающему документу современности — Программе Коммунистической партии Советского Союза.

С этого номера «Смена» начинает публиковать эстампы, входящие в серию «И теория марксизма-ленинизма».

Пролетарии всех стран, соединитесь!



день связалась туда со всего Союза. Приехали с комсомольским путевками, из техникума и школ трудовых резервов. Практику проходили в Магнитогорске, Кузнецком, Новосибирске и Днепропетровске. Хуже всего падали значительная трансформаторная станция. А его молодые капитаны вместе с рабочими бьются над разгадкой многих, не уясняемых еще секретов производства.

Недели зовут к себе в гости писателей, очеркистов. Пусть приезжают на завод, в атмосферу высокого напряжения человеческой воли — такой благоприятной среды для создания очерков и романов о современности.

А вот Лия Зубина, инженер-электрик кинокомбината имени Кирова, Ивановской области. Ее до глубины души волнует мысль о том, что она будет жить при коммунизме. «Это налагает большую ответственность на нас», говорит Лия. — При коммунизме должны быть люди с высоким сознанием.

Зубина не только ткачиха. Она депутат горсовета. Ее молодой горю, объявленный комсомольской стройкой, растет и хорошеет. Но многого еще и не хватает. Молодой депутат горсовета ходит в райком партии, то в райисполком, добивается устранения бытовых неполадок. Она отчетливо представляет, какова будет город при коммунизме. Конечно, красивым. Современная архитектура, Горьковское море... С пародами виден Дом советов...

Комсомолец Лия Зубина — одна из миллионов тех, кто активно участвует в работе Советов, помогает им решать самые различные вопросы местного и общесоюзного значения. Здесь мы видим в действии одно из важнейших положений Программы о том, что постоянный рост творческой активности народа, развитие общественных начал в руковод-

стве хозяйственным и культурным строительством позволят заменить отдельные функции государственных органов целенаправленной деятельностью масс. В этом проявляется процесс постоянного перерастания социалистического бытия в коммунистический, процесс отмирания сначала некоторых функций государства, а в конечном счете и самого государства. Вот какой глубокий смысл заключен в повседневных, обычных заботах молодого депутата — пушкинской ткачихи Лия Зубиной.

О том же самом, о бескорыстном повседневном подвиге, рассказывает Ната Ага синад Камылов, инженер в коммундустроецких мыслах в Азербайджане. У бригады Камылова есть одна особенность, характерная, впрочем, не только для одного Азербайджана, — в ней представлены многие национальности: азербайджанцы, русские, армяне, лезгины...

В этой маленькой калле как бы свирает солнце дружики, соединяющие все советские народы в многонациональную трудовую семью. И еще один лезгинский индустриальный новик: в бригаде из шестнадцати человек четверо имеют высшее, пятеро — среднее техническое образование, двое учатся в филиале техникума, остальные — в вечерней и заочной школе. Труд побеждает всё рутинное знаниям. Так уже на наших глазах начинает реально воплощаться в жизнь записанное в партийной Программе положение о том, что при коммунизме интеллигентность перестанет быть особым социальным слоем, поскольку работником физического труда по своему культурно-техническому уровню поднимутся до уровня людей умственного труда.

Такое это счастливое поколение, строящее коммунизм.

Здесь названы отдельные имена и пережиты некоторые странички разных судеб. Но все они объединены в жизни страны, ее взаимоотношения, потому что открытие новых горизонтов для всего человечества начинается в сознании каждого человека. Это единство устремлений и переживаний, эта общечеловеческая мысль и чувства вдохновляют юности на новые свершения, знаменуют собой новый этап в духовном развитии молодого поколения строителей коммунизма.

Примечательно, что этот подвиг, эта романтическая приподнятость юности не мешает ей стоять перед собой самые высокие, практические дела.

Комсомолы борются за то, чтобы каждый молодой рабочий выполнял и перевыполнял план повышения производительности труда, соединял работу с непрерывным учебным, берущим шефство над электротехникой страны, внедрял комплексную механизацию при возделывании кукурузы. Так замечательно соединяют Романтика и Труд, Юношеский порыв и буржуазные государственные дела. И вспоминаются слова поэта:

За годом — год, за векой — веком,
За полюсом — полюсом,
Неполюс путь.
Он не ветер несет, —
Он в наши души паруса.

Вот почему юности нашей страны, наша боевая комсомолка, готовясь к своему XIV съезду, говорит родной партии: мы знаем, что вперед одно дело. Немечерными богатствами сибирской тайги, Дальнего Востока, Заполярья. Они ждут наших сильных и умелых рук, горячих алгодных сердец. И амь, всей душой приняв решение XII съезда, готовы идти на штурм самых трудных высот коммунизма.

ПАТЯГАТИ В СВЕТОЕ ЗАВТРА

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ПОДАРКИ ГОТОВИТ К XIV СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА МОЛОДЕЖЬ НАШЕЙ СТРАНЫ. АЮВЮ ТРУДОВОЙ ДЕНЬ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ И КОММУНИЗМА — ЭТО В СВЕТОЕ ЗАВТРА ВОТ АМИНЬ НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ СЛАВНОЙ ЛЕТОИЩИ ПРЕДСЕДЬЗОВОДСКОЙ ВАХТЫ СОВЕТСКОГО ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК.

ЛЕНИНГРАД. В комитете ВАКСМ завода «Русский дизель» долго совещались, прикиснется ли новое начинание. Случайно к комсомольцам заглянула делегат XXII съезда КПСС Виктор Иванович Коротков. Послушав, о чем речь, и предложил:

Займисьте первым делом. Могут еще впасть хоть десяток кадровиков, которые с радостью помогут молодежи.

Так на предприятии зародился институт нештатных инструкторов производственного обучения. В свободное время они передают молодым рабочим свой опыт, обучают нерабочим приемы труда.

Это — одно из новшеств, появившихся в Ленинграде в ответ на призыв комсомольцев судостроительного завода имени Жданова: «Все новое, прогрессивное — на каждое рабочее место!» Судостроители сами показали пример. Они организовали из опытных технологов комиссию, которая составила перечень прогрессивных инструментов, вывешивая их на заводе и на школах предприятий.

Инициативу жданоцев поддержала молодежь многих ленинградских предприятий. Созданы общественные бюро технической информации, кружки по изучению технической литературы, комсомольские бригады.

ЗАПОРОЖЬЕ. Личные планы строительства коммунизма разработаны в амь подготовке к съезду комсомола сталеплавильного завода «Днепропетровский».

Бригада Дмитрия Галушко решила повысить производительность труда к концу семилетки на пятнадцать процентов. Это даст возможность выдвигать ежедневно по пять — восемь тонн сверхпланового металла. В 1963 году бригада выдвигает сверх задания не менее четырех тысяч тонн стали. Весомый вклад в семилетку!

Молодые сталевары отказались от контроля ОТК и даже слыва выпускать продукцию только отличного качества. Они серьезно берутся за учебу.

Центральный Комитет ОКМ Украины принял решение ежегодно на общественных смотрях проводить итоги соревнования за максимальный вклад в строительство коммунизма. Первый такой смотр будет проведен накануне XIV съезда ВАКСМ. Победители соревнования получат право носить в течение года знамя коммунизма и ударных коммунистических сроков труда. Имена лучших каждой год будут вывешиваться в летописи «Комсомола в ударном коммунистическом двадцатилетии».

КАЗАНЬ. Среди нефтяников Татарии одной из первых на рубеж последующего года семилетки вышла бригада Юрия Корчагина. Недавно, собрав ребят, Юрий сказал:

— Сто тридцать тысяч тонн сверхплановой нефти, по-моему, были бы великим приложением съезду партии. А как дальше будем работать? Как отменим приближающийся съезд комсомола? Комсомы у нас самый новый — новая партия Программы. Это программа жизни каждого из нас. И вот, Ахат Аминов, и моя, и Троя, Землянов... Надо подумать о том, чем каждый из нас украсит приход двадцатилетия дня.

Несколько человек промолчали по подвигам и определили для каждого члена бригады маршрут в будущее. Решили добиться за год тысячи тонн «каждого золотого» сверх плана, создать бригадую школу молодых механизаторов, установить шефство над трудолюбивыми подростками, поучить каждому инженерные знания.

Бригада обратилась ко всем молодежи Татарии с призывом подвизаться ее начинание. В ударную работу включались тысячи молодых патриотов: съезда Юрия Катанова с завода имени Куйбышева, бригады Алимна Сабирзянова с комбината «Спартак», нефтяники Лениногорского и Аламетьевского.

СВЕРДЛОВСК. Как-то свердловский зюлет Лев Сорочкин спросил молодого строителя:

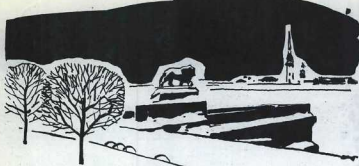
— Что такое трудность в вашем понимании? Трудно вам работать в сорокорадильном мороз?

Нет, — ответила рабочий, — не очень трудно. Трудно жить без интересного дела.

Юрий Прохорохов работает в механическом цехе завода «Уральскогрозшпрот». После смены он спешит на занятия в вечерней школе. Времени у него всегда в обрез. Но недавно цех попал в трудовое поле, в котором график смены завода гидрогенераторов. И Юрия уже после семи часов работы и занятия вновь пошла в цех. Не ради заработка, а ради того, чтобы товарищи утром не стояли без дела. Он работает всю ночь и сдал юрок гидрогенератора контролером. На следующее утро работа в цехе шла полным ходом.

— В субботу мне нужно быть по вопросу на посту — вот как я мысля своей вклад в строительство коммунизма, — сказала Ю. Прохорохов товарищам.

Нерожденное ЧУДО



В ЛЕНИНГРАДЕ

Этот город
Сашком краси,
Сашком краси.

В этом городе
Я сирота.

В этом городе
Стал я несчастней.
Без тебя,
Молодой.

Сашком сердцу опасней
Повстречаться
С такой красотой.

Этот город
Сашком краси,
Сашком краси,
Сашком краси.

В этом городе
Стал я наивней.
Безысходную страсть затаил,
Привыкнув весенние ливни
За тяжелые косы твои.

Этот город
Сашком краси,
Сашком краси.

Ты отходишь,
Не види,
Не гляди.
Вскинув руки,
К тебе я бегу.
Ты отходишь,
И кос твоих пряди
Я ловлю
И поймаю не могу.

Этот город
Сашком краси,
Сашком краси.

И мечусь я,
Не выд укрыйт,
Салма цокот кошит за спиной...
Успокойся, забавный критик,
Медный Васдик
Не скажет за мной.



Я ночь люблю
За то, что в тишине,
Когда другие спят,
В постелях вежась,
Все звуки дам,
Гудение во мне,
Приобретаю чистоту
И свежесть.

Я ночь люблю
За темноту ее,
Когда ни звезд
И ни луны при этом,
Люблю ее за то,
Что в жажде света
Сильней горит
Сознание мое.

Беспокойно.
Дома не сидится.
Ухожу в окрестные леса,
Гуляюсь деревьям,
Травам,
Птицам...
Чудеса!
Ей-богу, чудеса!

Песни птицы
Заманили в дубри,
К вековому дубу привели.
Что ты знаешь
О таком шедевре
Истинной художницы —
Земли?

Может быть,
Под золотом грудой
Этих листьев
С мезозойских лет
Завылос.
И таится чудо,
Так и не рожденное на свет.



Рисунки С. ЗНОЙКО.

Тишина, тишина...
Тишина, как во сне,
Как во сне, голубые снега.
Спит мой город,
Его по весне
Беспокойная будит река.

По веселой весне,
Нарушая покой,
В кручу берега,
Как по гуади,
Валрит мутной волной,
Движет белой шугой,
Затрепичит,
Затрепичит:
— Выходи!..

Выдет девушка,
Вынесет сердце свое,

Скажет речке она:
— Не толпи...
И напомятся девичье сердце ее
Ожиданием первой любви.

И охватит озимую
Сладкая жуть,
Всю ее — с головы и до ног.
И поднимется грудь,
И опустится грудь,
И послышится девичий вздох.

Опьяняет она...
Поблудает она...
Вешний день по душе и седым,
Только стала замечать,
Что приходит весна
Раньше всех
Вот к таким молодым.



Счастливая доля —
Гордиться друзьями.
Почетная доля —
Бороться с врагами.
Кто Родику любит,
Готовый на смерть,
Тот просто не может
Врагов не иметь.

И М Я

Как только станем взрослыми,
Займем какой-то пост,
Начнут долбить вопросами:
Где жил?
Как жаль?
Как рос?

И кто бы ни расспрашивал,
Я честно отвечал:
Жил бедно.
Все донавивал
Со старшего плеча.

Рос быстро.
Скажем, валенки.
Войдешь в их пустоту,
И сразу видишь — маленький.
А дельта чьей?
Расту!

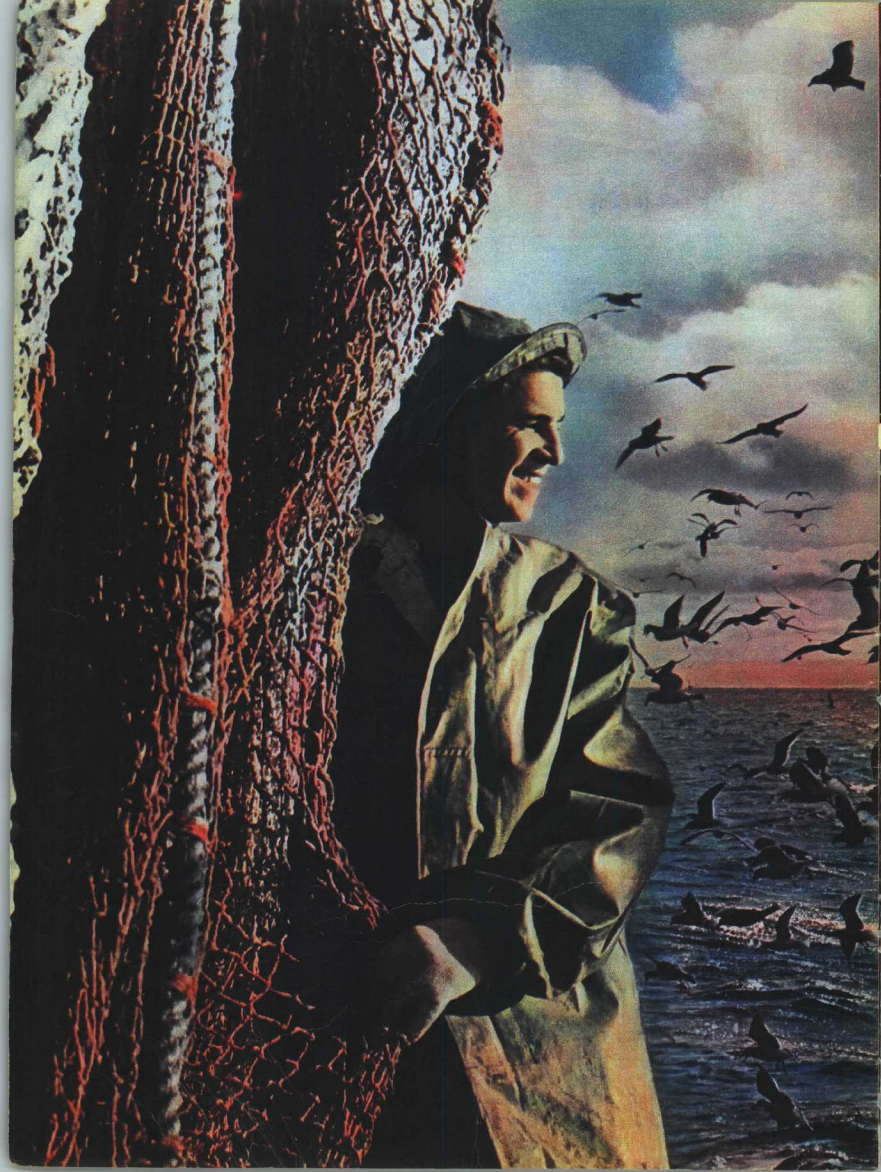
По слову
Живя мне давнего
В торжественной ноте,
Вот так от брата старшего,
Меня не увиданного,
Я имя получаю.

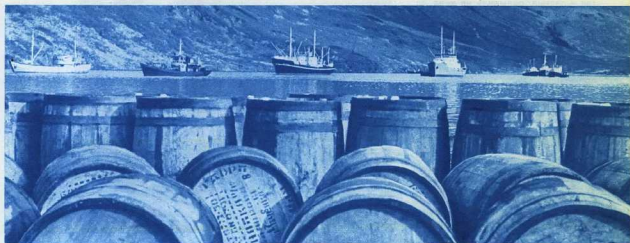
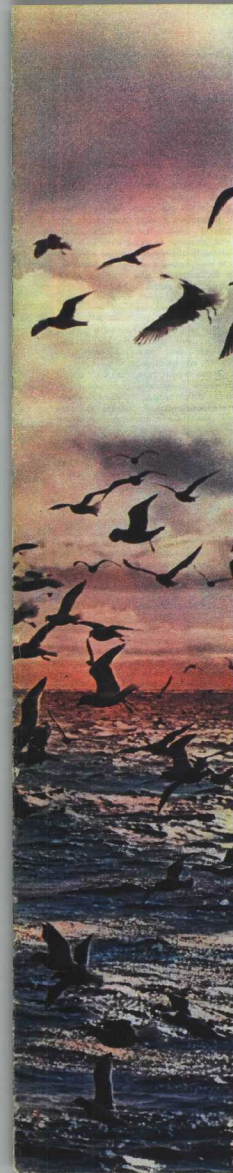
А имя то хорошее,
Браток звался Василь,

Немного было ношено.
Отец сказал:
Носи.
На мне одежда латана
Старая, как в огне,
И только имя братово
По-прежнему при мне.

Его точная нудути,
Не делаю старек,
Его трепали нудути,
А имя все добрей.







„ТИХИЙ ОКЕАН. ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ..“

Георгий АНЗИМИРОВ, Феликс РОДИОНОВ

Фото Григория ДУБИНСКОГО.

Когда мы впервые увидели Виктора Кривошеву, то, откровенно говоря, никто из нас и не предполагал, чем окончится эта встреча в редакции. Нам было очень интересно встретиться с Виктором, хотелось как можно больше узнать о молодых рыбаках, о штормах в Тихом океане, о далекой Камчатке. Ведь наш гость был капитаном рыболовного траулера «Кичига», экипаж которого одним из первых занесен в «Летопись трудовых дел комсомола в семилетку». Но Виктор оказался немногословен и в конце концов сказал:

— Разве обо всем расскажете! Ловим рыбу, как все. Дело морское. Рыбята у нас хорошие, да вот условия трудные. Мало еще думают о нас, рыбаках, на берегу.— И неожиданно добавил:

— А вы приезжайте к нам — сами увидите, что мешает рыбку и кто виноват в этом.

Процаясь, Виктор оставил, как нам казалось, вполне точный адрес: Петропавловск-Камчатский, Управление тралового флота, «Кичига».

Приглашение, разумеется, было принято. Дальнейшее рисовалось нам просто: бери билет — и через двенадцать часов ты в Петропавловске. Однако, оказавшись на Камчатке, мы очень скоро поняли, что, переведем мы в Москве этот адрес на рыбачий язык, он выглядел бы примерно так: «Тихий океан. До востребования. Кривошеву».

...Диспетчер Петропавловского порта, оторвавшись на минуту от своих бесконечно травянистых телефонов, устало сказал нам:

— «Кичиги» в порту нет.

— Где же искать ее!

— Диспетчер шлепнул к карте, занимавшей чуть не полстены, и его палец пополз вверх от Петропавловска по восточному побережью полуострова и остановился где-то сантиметрах в трех от Чукотки.

— Скорей всего вот здесь, — оглянувшись на нас, сказал он, — в бухте Иматра».

Мы стоим на причале рыбного порта, вдыхаем запахи смоленных каматов и солевой рыбы. Мы смотрим на бесконечные штабеля из мешков с солью и шеренги бочек, на Тихий океан, который со-

вершает свой утренний туалет, расчесывая гребешками свои гряды Авашиной бухты, и думаем, что, хотя за плечами у нас уже четырнадцать тысяч километров, поездка к Кривошеву, видно, только начинается. И задача у нас нелегкая: найти человека в Тихом океане.

Плывучий город

Легко было петропавловскому диспетчеру попасть в Иматру с помощью пальца, скользящего по карте. А мы летели туда самолетами, шли на спасательной буксире и в конце концов, приплюсовав к имеющимся четырнадцати тысячам километров еще почти две, добрались до цели на полупустом судне.

Не пытайтесь искать на обычной географической карте бухту, в которую нас завели поиски «Кичиги». Иматру вы найдете, только вооружившись картой масштабом 1:250 000. Бухта находится на самом севере восточного побережья Камчатки. Вход в нее стережет гигантский бронзовозар — скала, напоминающая этого древнего оби-

тавля нашей планеты. Он будто припал к морю, чтобы налиться до та и засып, охвачен на века. За остроумным хребтом этого чудовищного островка — дельта реки Сидра. Здесь, среди первозданных скал, покрытых лишайниками, и расположилась Камчатская сельдьяная экспедиция. Впрочем, ее смело можно назвать промышленным городом с многоэтажным населением. Тут есть все, что полагается иметь настоящему городу: заводские базы, магазины, есть даже свой «ИНИ» и — не удивляйтесь! — свое такси. В общем, все, как в настоящем городе, с той лишь разницей, что и название из этих привычных названий прибавляет название плавбаза. Плавзавод, плавамастерские, плавбазы, плавлаборатории, плаваток. И не беда, что в плавлаборатории всего лишь один человек — космополита-интелло Лена Каракозова, а плавзаводы такси — это обитатели катерок с уютными кабинками «Вулкан».

Ныря в имбирный волне и лавируя между судами, «Вулкан» берет нас по вечерней бухте — упиная плавучего города — к началу сельдьяной экспедиции.

— Откуда прибыли? — Николай Доброба, здоровенный молодой парень с окладистой пиратской бородой, любопытен, как и все таксисты. — Из Москвы? Редкие гости. На Петровальском-то не очень жалует. Одно слово — провинция...

Пограивая шутомлом и акто разорванной катерок, Доброба продолжал:

— Кто и говорить — в скучноватое место захвали: одна сельдьянка... И неосиданно кричит в темноту: — Эй, на «Сисимосе!» Кидай трал...

Цепляясь за расклевывающиеся перелетевшие шторгалы и не без озадаченно думая о том, как же лаяют по такому тралу в настоящий шторм, мы вскарбакиваемся на «Сисимосе» — плавучую базу, где расположен штаб сельдьяной экспедиции.

В штабе, как мимолетно небольшая каюта в носовой части «Сисимоса», царит Александр Иванович Серьга, веселый гитарист в синем спортивном свитере, может быть, несколько тынчоватый для своих тридцати с небольшим лет. Он решает все: и где привартоваться только что пришедшему с моря судну, и какому траулеру стать на разгрузку, успевав между делом устроить на судно молодого пареня из морского училища. Но самый главный вопрос для Серьги — бочка.

Александр Иванович — молот его вот уже колбасит женщина в вышитом морском кителе и высоких разноцветных сапогах, — ну дай хоть сотени три. Селедзье гудят! — Нет, Михайловна, вы пойми,



«Есть косил! Трал — за борт!» — командует Виктор Кривошеев.

нет у меня ни одной свободной бочки.

— Как же быть? — А так, как было в Петровальской советуют, — хитро улыбается Серьга, — подчитайте неиспользованные возможности, изыщите внутренние резервы и пересмотрите свои обязательства...

— Странное это дело, когда трава не хаает, — говорил нам чуть позже Серьга, — Привозят рыбки поплывшие трупы, а нам принимать во что что. И тогда гибнет селедка, гибнет труп человека.

Зная, что мы разсказываем «Кичухе», Серьга разводит руками: — Ушел Кривошеев в океан, на лодке. Прядется вам подождать попутного судна. А пока посмотрите нашу жизнь.

Жизнь в Иматре, как и в каждом промышленном городе, начнется рано. Утром нас разбудили требовательные гудки пришедших с моря рыболовецких судов, визг лебедок, опускающих в трюмы плавучих баз бочки с селедкой и вытаскивавших оттуда мешки с солью.

Вместе с нашим гостеприимным хозяином Владиславом Степановым, трюмами шутомлом плавбазы «Ламута», к которому Серьга определил нас на ночлег, мы отправляемся на рыбозавод. Впрочем, идти нам недалеко. Простучав каблучками по крутым трапам, а говоря по-сухому, по трапам, спустившись с третьего этажа на первый, мы оказались на палубе. Мощные судыные бабланы проносят над нами огромные грозды стюкограммовых бочек. Молодые парни в клеенчатых робах ловко приземляют их на палубу. И вот уже бочки на чашечкей спине конвейера. На другом его конце бочки словно по команде опрокидываются, выплесывая на ленту транспортера блестящий поток селедки.

Мы стоим около истоков этой сельдистой реки и думаем о ее удивительной судьбе. Беря свое начало здесь, в этой далекой северной бухте, она растекается затем по всей стране. Шутка ли: в прошлом году Камчатка дала более трехсот миллионов килограммов рыбы!

В тот день сельдьяная экспедиция должна была завершить годовую план. И вдруг у Володи Дроздова, тоненького пареня со Львовщины, случился беда. Каким-то «Ламута» на борт везет откуда взявшаяся волне, и выплеснулся рассол, или тузлук, как здесь его называют, из вани на палубу. А сельдьяная рава течет — ее не остановить. Пока Волода в спешке готовил новый тузлук, бегал за солью, искал куда-то запечатывающийся аэромат, чтобы остановить крошечный рассол, шестидесять бочек сельди ушло в брак: непросоленная селедка долго не проживет. И Волода полз в трюм. Очередной десяток бочек, а потом, сбывая в кровь руки, вскрывал эти злосчастные бочки и доливал в каждую из них рассол.

На другом «берегу» сельдьяной реки мы познакомимся с Бондарем Николаем Сивновым. Есть и, и сожаление, наверное, есть долго просуществовать здесь эта древняя профессия. В тот напряженный день напарник Сивнова вынул руку, и Николай весь день за себя и за товарища колотил и колотил по донцам и ржавым обручам, сбывая бочки, которых так ждала вся плавбаза. Две тысячи бочек упавал он в ту суму.

А в середине дня случилась то, о чем накануне говорил нам Серьга. Встал конвейер: на «Ламуте» кончились бочки.

— Эй, на палубе! — крикнул кто-то снизу, из цеха обработки. — Чего засидели!

Сидя в трюме, еще не зная, что здесь, на палубе, уже не осталось ни одной бочки.

Заведующий производством помчался на «Вулкане» к Серьге. Через несколько минут в алюминиевые динамики «Ламута» редался некто срывающийся голос.

— Всем свободным от вахты, всему составу выйти на разгрузку бочек... И вот уже прыгают люди на прищипывающей бочку «Ламута» судно и, закинув за плечи незастывшее приспособление, известный всем грузинкам «козель», балансируют с бочками на штыках

досках, перекинутых с борта на борт. И снова плещется на конвейере сельдьяная рава. Этот рабочий день закончился, когда маркировкой Альфред Навель, голубоглазый парень с волгами, переваченными по моде, введенной еще перелетчатником Иваном Федоровым, конвейеру ремешком, принял с везов цифровую бочку и поставил на ней цифру «420». Это значило, что с начала плавучей стране дано 420 вагонов рыбы и что в этот день было досрочно выполнено годовое план. Плавучий город закончил трудовой день. Люди расосидели что дома, свои каюты и каютики. В бычном городе в эти часы мы идем в кино, на концерт, в библиотеку или просто сидим дома за книгой.

А как отгулять плавучий город Труда и Мужества? Плохо!

Мы видели его людей в работе. Тогда они были воодушевлены. Сейчас они — кактусы, опустошены. И не удивительно.

Можно ли представить современному советскому рабочему город что-то другое, свои каюты и каютики, вечерней школы, хорощого магазина с широким ассортиментом товаров? «Нет!» — безусловно, скажете вы. Однако он существует.

Пройдитесь по палубе на плавбазе, даже по флагманской — «Сисимосе» — и вы убедитесь в этом.

Вот судова библиотека. В полутемной каморы три малюк полочки с книгами, подобными без любви и без толты. И это в то время, когда на берегу базовая профессиональная библиотека с количеством 30 тысяч томов. Но может быть, книгу здесь можно просто приобрести в магазине?

— Нет, книги! — невольно усмехнулся продавец Рая Тулушина и кивнула на полупустые полки. — Смотрите сами. Вещь ассортимент тут.

«Вещь ассортимент» состоял из детских носочков, залежалых женских гарнитуров и мужских обзоров, сшитых по довоенным образцам.

Вспоминается и другой разговор, который произошел у нас в тот же вечер. Мы стояли на палубе с Неллей Нестереной, маленькой сохранившейся с коммунизма.

— Не правда ли, краснота! — глядя на разноцветные толовые огоньки, на затанцовывшие в сумерках звезды, спросила Нелля и ту же сама отговорила. — Я так давно влюблена в нашу бухту. И работа нравится. Только очень учиться хочется. Порой кажется, что стоишь на месте, что живешь рядом, а место тоеба... А учиться здесь негде, даже учебников не достать.

Нелля Нестерено не может достать учебников. А в Петровальской они плесневают и гниют. Со всем недавно там было списано в макулатуру различных учебников на тысячу рублей.

Да, прав был Виктор Кривошеев: мало думать о рыбаках на берегу. Мы вспомнили одно из гуманный положений новой партии коммунизма: «Любедя коммунизма зависит от людей, и коммунизм строится для людей. Здесь и великая вера в человека и забота о нем.

Мы хотим проследить у руководителей Камчатрыбпрома, которые обязаны заботиться о молодых рыбаках: почему рыбаки сельдьяной экспедиции не имеют в

Вот она, Иматра — плавучий город.



достать нужные товары, не обременяя экипажи, учебниками? Мин, кроме выполнения плана, вас больше ничто не интересует?

Что такое СРТ?

На следующий день мы ушли из «Кременчуга» в океан, туда, где травили рыбу нулевыми Красовцев. Судя проводили нас тремя короткими гудками: «Счастливого пути». Мы не знаем, кто и когда установил этот морской обычай. Но уверен, приучая его человека, хорошо знавшего, что такое море и что такое настоящая дружба.

«Кременчук» — это СРТ. Средний рыболовный траулер. Когда мы впервые оказались на палубе этого призматического, неказистого суденышка, оно произвело на нас довольно неблагоприятное впечатление. Даже в бухте, там, где «Эскимос» стоял неизбывно, словно утес, «Кременчук» несладко прилипался к волнам. А как поведет он себя в открытом море? Ведь все «тверды» у нас под ногами (если, конечно, можно назвать твердою шапку палубу) измержался полсотней шагов в длину и десятком — в ширину. Да и само название «средний» не вызвало у нас особого энтузиазма: средний ученик, средний специалист, средний фильм — злителю довольно невзвидный. Единственное, что свело в нас некоторую уверенность в благополучный исход нашей поездки, — это научные заслуги сына Сергея:

— Имейте в виду, что моя Камчатка ждет давно обещанных больших рыболовных судов, этот «средний» выносит на берег всю путину и дает стране столько же рыбы, сколько мыса получают государства от приличного животного-водоного колоса.

После этих слов проснувшийся в нас рыболовный азарт несколько подавил недоверие к СРТ, и мы с нетерпением ждали дальнейших событий. Однако события не спешили разворачиваться.

Вот уже третий день мы боимся в океане, а рыбы нет. За это время мы успели выпросить у капитана «Кременчука» Олега Гернета все, что хоть в какой-то мере касается лова, и теперь с почти профессорским знанием рассматриваем на различных приборах, которые стоят в рулевой рубке и несут мудреные названия «эхолот» и «монитор». По утверждению капитана, они должны без ошибки определить адрес сальдяного косяка и немедленно сообщить об этом сидю, а рулевую рубку. Но приборы безмолвствуют. Косяков нет как нет.

Мир вокруг нас посерел. Посерели облака, синевос-серыми стали волны, посерел серый морской туман. Из рулевой рубки слышим, как Гернет уже в который раз докладывает по радио Сергею, что «на борта нуль» — ноль центов — слышим в рубке тихое молчание. Ребята не привыкли посылать в эфир таких плачевных сообщений: ведь «Кременчука» — один из передовых СРТ тралового флота.

— И куда эта проклятая следка заделалась! — не выдерживает даже милашнейший ватский перек, рыбачество в нас Шклов.

— Не грусти, Вятка, держи нос на волне, — пытается пошутить Геннадий Вагин, ветеран «Кре-

мчук». Но видно, что и ему остромерно болтается без дела по морю.

— Не будет нам рыбы, раз корсеплоденты на борту, — косятся нас судовой пессимист Толя Реулов.

И только третий штурман Ежов спокоен и не обращает внимания на эти разговоры. На море прошла вся его жизнь, и он-то хорошо знает, что такое переменивое рыбачье счастье.

В общем, настроение было неважное. И чтобы хоть как-нибудь скоротать время, все свободные от вахты собирались на корме, в кают-компанию. Забивали «козала». Потом Геня Вагин наткнулся на стено простины, а боцман Володя Ситников устанавливал на противоположном конце кают-компания потопленный киноаппарат и начал крутить кино. Удивительные это были фильмы!

...На успешный Фанфан-Тюпан прогнулся шлопой неприятельского капитана, как на зрелищ с ревом ворвался гоночный автомобиль последней марки. Секунда — и на автострате катастрофа. Но вот из этого ада вырывается белая вестя отсюда взрывающаяся красота и лиз отплевывает в каком-то кабанчике. И снова взрывы. Горят бензобаки, но тут на экране вдруг появляется... Иван Грозный — и все благополучно кончается его смертью.

— Ну, как фильмец? — кричит нам через всю кают-компанию Геннадий Вагин. — Кино — больше такого не увидишь.

— Наушели кинопрокат... — Кинопрокат! — хмыкает Вагин. — Что ему до тех, что и в море.

Весной выжили на погоды, так нам всего два завалышки картинка на память выдала. Вот и развлекаемся: сами режем, сами клеим — попури...

Раньше хоть с другими судами обменивались фильмами, — вмешался боцман Володя Ситников, — так кинопрокат и это запрети. Вот и крути погоды две картин. Завоевы от тоски.

В иллюминатор хлестнула неожиданная волна. Видно, ветер менялся. «Кременчук» ставало к с борту на борт. Но на СРТ фильмы смотрят при любой погоде. «Сеанс» продолжался.

Мы смотрели на экран и снова думали о равнодушных людях, которые по ошибке воспринимают работу о культурном досуге рыбака в море. Почему они лишают рыбака духовной пищи? Быть может, они рассуждают так же, как некогда рассуждала старая переконница, утверждавшие, что на войне солдату не до песни и не до задуманных стихов? Может быть, эти равнодушные люди полагают, что среди штормов и трагичной рыбачью не до кино, не до фильмов? Какое же обидное представление нужно иметь о человеке, чтобы дать ему, угловатому в океане не погоды два кинофильма, забыть снабдить его библиотекой, не доставать ему вовремя свежих газет?

Оказалось «попури». Делать больше ничего — и инстинктивно судовой пессимист Толя Реулов, невольно «восполняя» отсутствие свежих газет, журналов и книг. Послушать его, так и рыба никогда больше не будет ловиться, и погода не наладится, и ни за что не прийти «Кременчуку» в порт и праздники, потому что скорей всего ему на донх тонуть придется. И рассказывает Толя про «ужасные» случаи на море...



«Заглянув в рыбачьи носки москвички ихтиолога Елене Карановой полюбился эти суровые края.

— А по мне, — заключает он мрачным афоризмом свой аполитический, — пусть будет флот на Тихом океане, а рыбаки — на берегу.

— Такой сонной кабанчик, как ты, самое место на берегу, — подтверждает третий механик Володя Волошин.

— Или важноно не возражает. Он знает, что у Владимира в каюте хранятся боксерские перчатки. И разговор принимает иное направление.

— Брешка все это, — рубит воздух своим увесистым кулаком Волошин. — Не пишите вы, пожалуйста, про Толкиных байки. Кто побывал на море — не брешет его. Только все здесь могло быть по-другому. Ну почему бы я не мог заниматься и тут боксом!

— Или, скажем, ансамбль песни и пляски организовать, — вставляет Геня Вагин.

— Или лекцию интересную про космос послушать...

— Или артистов настоящих посмотреть?

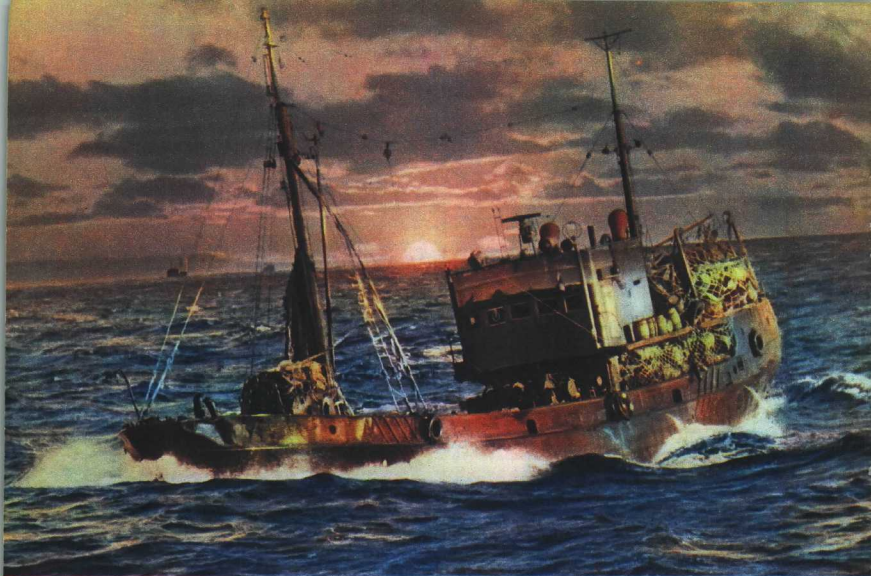
— В самом деле, разве все это новшество!

Конечно, выполнимо. Комсолом тралового флота уже не первый год предлагает, просит, требует придать качественной рыболовной флотилии плавающую культуру. По мысли комсоловцев, не только базам размещаться бы и зрительный зал, и библиотека-читальня, и пункт кинопроката. Непременно пункт кинопроката. Ведь на берегу, в районе, где имеется 7 киноустановок, обязательно существовать кинопрокатный отдел, снабжающий их фильмами и ведущий ремонт аппаратуры. А рыбакам и тут кое-повалов. Не 110 киноустановок у них нет ни одного обслуживающего пункта. Это ли не вопиющее безразличие



Фильмы еще не начались, а старший механик «Кременчука» Павел Ягоров уже загустел: опять по «киноленте» кинопроката в Стойках придется сменить одну и ту же картинку.

Радист «Кременчука» Василий Доросенко: «Забываю порой на берегу о тех, кто в море!»



Трудно представить, что такой траулер дает в год примерно столько же рыбы, сколько мяса получает государство от среднего животноводческого колхоза.

к тем, кто на долгие месяцы уходит в море!

Плавучая культура, как воздух, необходима траловому флоту. И пусть люди, зараженные ржой равнодушия, не ссылаются на более важные задачи, которые-де стоят перед ними.

Никто не имеет права забывать о человеке.

Есть второй годовой

Как ни странно, но встретить наконец «Кичигу» нам помог штурм, который заглол ее в бухту Петра Лаврова. Сюда же, спасаясь от разбушевавшегося океана, пришел и «Кременугод». Вот он, неуловимый Кривошеев! Вот он, «Тихий океан. До востребования!»

Распахнув рулевую рубку, Кривошеев весело кричит нам: — Разаскани асе-от-джи... А я уж думал, не встретимся.

И вот «Кичига» становится борт о борт с «Кременугодом». Нас разделяет всего лишь метр. Ближе подойти нельзя. И без того капитаны уже с опаской поглядывают на плывущие борта своих судов. Непо прыгать. Однако в последний момент ноги почему-то становятся непослушными, их никак не оторвать от палубы... Но ведь не уступать же метру, когда за плечами шестнадцать тысяч километ-

ров! Мы прыгаем и попадаем в объятия Кривошеева.

Виктора не узнать. Он сменил парадный капитанский костюм, в котором мы видели его в Москве, на телогрейку, щегольские ботинки — на высокие рыбацкие сапоги. И похож он сейчас вовсе не на капитана, а на лихого матроса. Под стать ему и «Кичига» — с помятой шлюпкой, погнутыми перилами на мостике.

— Поштормили немножко, — улыбается Виктор, перехватив наши взгляды. — Ну, да не беда. Зато с рыбкой. Осталось заловить еще центнеров сто — и со вторым годовым планом покончено.

А вскоре «Кичига» уже резала своим облупленным носом свежую волну, держа курс в район льва, туда, где паслись сельдяные косяки. Вокруг снежной заматью кружатся чайки. Они везде: над мачтами, у бортов, над самой водой. Чайки — привычная свита рыбака в море.

Мы стоим в рулевой рубке, где стучит эхолот, этот подводный глаз рыбака, и смотрим, как тянется из него бумажная лента, на которой электроничеро выводит замисловатую линию, похожую на толстую мохнатую гусеницу. Виктор тоже не отрывая от ленты поглядывает от напряжения глаза. Он ждет, что вот-вот изогнется гусеница, подает сигнал: на дне сельдяной косяк! Этого момента ждут все. Ждут матросы —



у правого борта над вечноым телом свернутого трапа. Ждет трап-мастер Ваня Травкин — на палубе, у лебедки. Ждет в машинном отделении старший механик Иван Добрынский, заревая наломанных от себе вопросом в переговорную трубку: «Ну, как?»

И вот шубка гусеницы темнеет и начинает топорщиться: золото обнаружил коски.

— Майный трап! — приподняла лобовое стекло, кричит Виктор.

Взвизгивает лебедка, включенная Травкиным. Трап с шлюзовым уходит на дно. Разматываются стальные тросы, все глубже и глубже уходят под воду. Но вот они замирают, и Кривошеев рвет рукоятку телеграфа: «Голый вперед».

И снова напряженное ожидание. Сейчас трап должен ползти по дну, зацепившись своей трескаторной глоткой все, что попадется на пути. Надсадно гудит двигатель, скрипят тросы, но даже здесь, в рубке, нам слышна травкинская скоросторока.

— Ловись, рыба, болышая и маленькая, ловись, золотая...

И хотя стрелка на телеграфе застыла против отметки «Голый вперед», Кривошеев кричит в переговорную трубку:

— Приывай обороты!

— Не могу. Идем на пределе, — несетя из машинного отделения голос стармеха.

— Хоть с десктом, — молит Кривошеев. — Что у тебя, Ваня, души нет!

Стармех ругается, но через мгновение судно делает рыжок. Проходит еще с полчаса. Травкин начинает с беспокойством поглядывать на Кривошеева.

— Пора вырвать трап, Ефимыч, — кричит он с палубы.

Судно сбавляет ход. Снова заработала лебедка. Сейчас все, кроме механизма, выслетили на палубу встречать трап. Все смотрят под правый борт, где он вот-вот появится. Всех охватил рыбацкий азарт.

— Не будет улова — с деланым безразличием бросает трап-мастер, видно, соблюдая старый обычай.

В ту минуту под бортом всплыла серебриная сигара трапа. Он плотно набит селедкой.

— Есть улов! — в восторге кричит Травкин. — Есть второй годовой!

В трапе были как раз недостающие сто центнеров.

«Ну, что ж, повезло ребятам», — скажет, возможно, иной. Не спорим. В рыбацком деле «везение» доживет, наверное, и до коммунизма. Но, глядя на слезенный труд рыбаков, на то, как старательно «прицеливался» Кривошеев, прежде чем крикнуть: «Май-най!» — как «ювелирно» работал на лебедке Ваня Травкин, словно угадывая шестым чувством движение трапа по дну, мы думали: нет, не только в везении секрет рыбацкого успеха. И пусть на помощь рыбьку сегодня пришли мурды: золоты, гидрокомпасы, по-

наторы, — все равно последнее слово за человеком, за его опытом, его искусством. Потому что никакие, даже «сверхчумные», машины никогда не заменят живого разума человека, создателя этих машин.

Через час «Имгит» уже азяла курс на Петропавловск. Улов был отличный. Он даже не помещался в трюмы, и поэтому часть бочек с селедкой Кривошеев распорядился оставить на палубе.

— Смотрите, капитан, опасно сейчас бочии на палубе возить: змение штормы, — заметил боцман.

— Прокосчим, — успокоил его Кривошеев. — Не выбрасывать же селедку за борт — план на ней кончили.

Однако очень скоро опасения боцмана оправдались.

— Всем, всем, всем, — принал радист где-то в районе острова Кергеленского стремительную морзянку Петропавловска, — передею штормовое предупреждение».

Оно предреждало в течение ближайших суток ветер западный — северо-западный — 10—11 баллов, а проше говоря — шторм.

Синопти не ошибся. Не прошло и часа, как «Имгит» стала клась поклыми с усердием истой Богомолки в престольный праздник. Волны, одна сильнее другой, издались на нас с энергией, достойной лучшего применения. Ветер сривал их везиющиеся верхушки, и воздух до того был насыщен водяной пылью, что дальше второй волны ничего не было видно. В



Частенько вместе с селедкой в трапе оказываются и вот такие «чудища» морские.

Суровый океан, трудная работа породили этих смелых, мужественных людей (справа налево) — Ольга Гуртова, Геннадия Вагика, Нину Сотова, Василия Дорошнина, Евгения Лысенко, Арнадия Нучина, Владимира Ситникова, Витора Голвана, Владимира Болюшина. В центре — любимица команды «Кременчуга» — «Находка».



такой шторм лучше всего, помалуй, стоять рядом со штурвальным. Здесь, по крайней мере, заранее видишь, с какой стороны ждать удара обезумевшей волны.

— Вот она, камчатская экзотика! — сквозь свист ветра донесся голос Кривошеева, стоявшего всего в двух шагах от нас.

Ночью начались осложнения.

— Бочки разбирает! — воровался в капитанскую каюту ваттеный. Вместе с Кривошеевым мы кинулись наверх.

Из рулевой рубки было хорошо видно, как огромные волны швыряли по палубе центнерные бочки, в любую минуту грозя разбить их или смести за борт. Это были те самые бочки, которыми «Кичига» завершала второй годовой план.

На палубу кинулись боцман Иван Михалев и матрос Михаил Мынта. «Кичига» то к делу черпа-

ла воду то правым, то левым бортом, беспорядочно тыкалась носом то вниз, то вверх. Обрушиваясь на судно, волны сбивали смельчачков с ног, и они цеплялись за первое, что подвернулось под руку, выжидав, когда сплывет с палубы водной смерч. Они старались спутать бочки тросом, но те, точно живые, realism из стальной петли. Этот поединок продолжался, наконец, минут двадцать. Наконец «Кичиге» удалось поставить носом на волну. На какое-то мгновение водяной шквал словно затих. Бочки удалось взнуздать и накрепко привязать к тросовой лебедке.

— Может, отстоимся под берегом! — спросил Кривошеев старпома Геннадия Кашакова, который, навалившись на штурвал, старался держать судно на заданном курсе. — Уж больно бросает...

— Будем держать так, — сквозь

зубы процедил Геннадий. — Дальше в море — меньше горя. — И он продолжал стоять у штурвала, держа в руках скляющую «Кичигу» и двадцать пять жизней...

Трудно сказать, что побудило старпома предпочесть тяжелый и опасный путь сквозь шторм относительно спокойному дрейфу «под берегом», как здесь говорят. Не умаляя мужества моряка, следует предположить, что он просто радовался домой. Полгода Геннадий был в море. Полгода! А вышел он из Петропавловска через неделю после свадьбы...

Геннадий не исключение. Большинство рыбаков, с которыми мы встречались, проводили в море по полгода, а то и больше.

Полгода вдали от родных и близких, полгода без выходных и праздничных дней. И невольно возникает вопрос: какой же государственной необходимостью дирек-

туется это? Оказывается, никакой. Более того, на «Кичиге» нам показали коллективный договор управления траулерами и рефрижераторного флота Камчатрыбпрома на 1961 год, в котором черным по белому написано: «Не допускать нахождения моряков в море без захода в порт приписки более 110 дней. И еще: «Современно предоставлять пласставу отгулы за работу в предвыходные, выходные и праздничные дни... Сопровождать в 1961 году в Камчатрыбпроме 1 100 рыбаков не имели возможности воспользоваться этим правом. Значит, не состоялось 1 100 встреч с родными, близкими, любимыми!

Что помешало этим встречам? Все то же равнодушие к человеку, к его нуждам, судьбе.

Рыбак долгие месяцы не видит земли и не имеет возможности использовать полагающийся ему



отдых только потому, что нег парохода, который бы совершал регулярные рейсы между Петропавловском и районами лова. А ведь такое судно могло бы не только проводить замечу людей, но и доставлять в район лова свежие газеты и журналы, кинофильмы и почту.

«Берег, встречай рыбака!»

Этим возгласом приветствовал появление огней Петропавловска один из курортителей бочек, Михаил Мынта. Позади остался четырехдневный переход, единоборство с двумя штормами, циклонами и антициклонами, и вот, вырвавшись из сутоки волн, «Кичига» на полном ходу подходила к «порту приписки». Подходила, не потеряв ни одной бочки, выполнив два годовых плана.

Земля! Вот она лежит перед нами в россыпи разноцветных осколков, тысячу раз повторенных зеркалом Аважинской бухты. И за каждым огоньком видится тепло, по которому истосковался, уют, которого не найдешь в море.

Берег, встречай рыбака!

И берег встречает... Прямо над рыбным портом планирует несомненно буним «Ресторан Востока». Это — единственное, что бросается в глаза рыбаку, пришедшему в порт. Вместе с Виктором Кривошеиным и Михаилом Мынтой мы выходим через портовую проходную, делаем несколько шагов и оказываемся на главном проспекте Петропавловска. Мынта стучит кабурком в замло и, смеясь, говорит: — Твердая, черт возьми, не качается!

Камчатский рыбак — это, как правило, двадцатилетний парень, еще без семьи, без своего дома.

Поэтому, как ни заманчива первый вечер на берегу, рыбак, пришедший с моря, прежде всего думает о ночлеге.

И мы идем в общежитие рыбаков. Но там нас встречают пыльные лампочки, общарпанные стены и лаконичная табличка «мест нет». Вот почему из 4 600 рыбаков 3 800, придя в порт, так и остаются жить на судах.

Радость от встречи с долгожданным берегом тускнеет...

— Ладно, переночуешь у меня, — хлопает Мынту по плечу Кривошеев, — а сейчас пойдем-ка куда-нибудь, в театр, что ли?

Но на двержа драматического театра тоже висела табличка: «на сегодня билетов нет».

— Билетов нет, — улыбаясь кассирша кинотеатра.

— А клуб или Дом культуры рыбака у вас есть? — спросили мы

у Виктора под конец этого «культурного» вечера, во время которого мы то и дело натыкались на скучное словечко «нет».

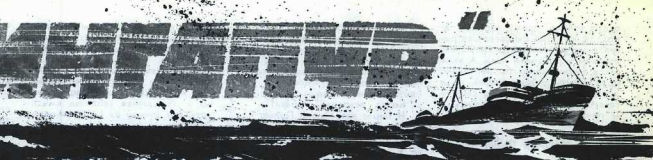
— Клуба тоже нет, — покурю ответил он.

А над рыбным портом всюю силой неоновые буквы: «Ресторан»...

И было обидно, что для ребят, которых мы видели в Иматре, в Лавровой, в океане, для ребят, которые, на дрогнув, встречают шторма, дают стране главное, чем слова Камчатка, — рыбу, для этих замечательных ребят на берегу не нашлось ни расковых слов, ни тепла, ни уюта...

Дальше так продолжаться не может. «Все во имя человека, для блага человека» — так написано в Программе КПСС. И забывать об этом гуманнейшим лозунга партии никто не имеет права.





РАССКАЗ

Рисунки О. ВУКОЛОВА.

форм набрал силу. На темноте снова ударила высокая волна, разбилась о нос танкера, кверху взлетел густой дым, свернула яркими авиационными в полосе прожектора и рухнула на мостик.

На этот раз Павел Шибев не успел прыгнуть во плавник, и холодные брызги заставили его зажмуриться, между лонжот запылали пенистые струйки.

«Факские и получил — обурлат себя Шибев. — Черт меня дернул познаться Сингапура с Верой!»

Он отряхнулся и, твердо ступая по танцующему мостику, вошел в штурманский рубку. Здесь было тепло, уютно светела желтая лампа, неподкупное бюро курсографа выводило на ленте замеловатую кривую, похожую на кардиограмму сердечного больного.

«Прилично потянем!» — подумал Павел, взглянув на курсограф, и склонился над картой.

Хлопнула дверь, и в рубку появился третий штурман такеласа «Дивны» Евгений Николаевич Чашкин, или попросту Женя-Сингапур. Отнятая остатки сна, он проделал секундную физиографию и весело спросил:

— Посовещал?

Шибеву истерично захотелось послать его подальше, но он всегда уме сдерживаться и поэтому лишь сердито буркнул:

— Точно по прогнозу! Ветер два-три балла, потому не предвещает.

Низенький, вертлявый, Чашкин укоризненно покачал головой, стриженной под ежик:

— Ай-ай-ай! Вы забыли, товарищ второй штурман! Чему вас учили в мореходке? Что написано во всех учебниках мира!

— Не дожидаясь ответа Шибева, он с глумливым, наизидательным видом пробормотал:

«Каспийское море по количеству и величине штормов в году второе в мире после Бискайского залива». Во!

— «О чем он все-таки говорил с Верой?» — токсично подумал Павел и сказал:

— Проститевора не дословно, но утешил. Спасибо! Батекс восточ! До твоей вахты три часа.

— Не люблю шторма в вахту. От четырех ствен беспомощности. А ветер в ноздри — А ты любил. Славя прекращаю. Иду дайфутки.

— Танкер резко накренился, и Женя-Сингапур стремительно вылетел в дверь на мостик, словно кто-то невзначай дал ему пинка.

«Вот так бы тебя и с корабля турнути!» — похосился ему вслед Шибев. — Одесский пиянок!»

До вчерашнего дня Павел отнесился к Чашкину, как и весь коллектив танкера, — с добродушной иронией и чуть-чуть свысока. Но теперь в душе закипело злое, недоброе чувство. Он не хотел и не смел называть его ревностно. Нельзя же все время представлять, что Вера и Сингапур — развалочные пельмени Чухи.

— Чухи! — невольно повторил он вслух и задрожал.

«Еще не хватало — бредить начал! Ничего

особенного не произошло. И ничего зря нервничать не стоило».

Он вынул тяжелый медный транспарит, раздвинул ленту и опять склонился над картой. На несколько минут Вера и Чашкин перестали существовать. Остро оточенный карандаш прочертил толстую линию курсов, вывел аккуратные, круглые цифры координат. Но вдруг карандаш крутнулся, на бумаге вспыхнула неслепая аэрограмма, обломанный кусочек графика скатился на пол.

— Ты моряк, Паша, но сам какой-то не морской. Ты бы мог и на другой работе, правда?

Вот что ему вчера сказала Вера! Раньше подобные мысли ей в голову не приходили! А все Чашкин! Целый вечер, пока дилось новоселье у Алечки, Женя ни на шаг не отступал от Веры, поднимая шпанское только Вера, танцевала только с Верой. Самой! Позвал его Шибев с собой потому, что Вера попросила:

— Пригласи кого-нибудь, Алечка совсем одна, ей и потащить не с кем...

Случайно подружились Чашкин. Что же, пусть Вера радуется: толстому, неповоротливую Алечку Шибев старательно крутил до седьмого тона. Крутил, ажилас, а Чашкин травил. Наверняка были рассказы про Сингапура, лаялам на африканском берегу и прочий знакомый репертуар. Неужели Вера, его умная Вера, преподаватель, поддалась на дешевую болтовню, посетителя, что «тафтулы», «лагуны», «таврины» — приехали азиатского моряка? Ну да, Чашкин действительно ходил в «зарганку», нока был курсантом Одесского высшего мореходного училища. Ходил в качестве прагмантика, прощсе говоря, матросом. Но кто его считает моряком? Разве он сумеет ошвартовать грузный танкер у хлипких астраханских причалов, проведи бы люшмана корабль по устью Волги? Отрицать нельзя — со своим обаянием третьего штурмана он вполне справляется. А в остальном голова Чашкина забита романтической белибердой, он проклинает рубку, что его направляет на Каспий. Получат письмо и скажет с упрямой застыбью:

— Петля Австралию повидал. Эй!

Павел попробовал спокойно и обстоятельно все это объяснить Вере. Она выслушала и усмехнулась:

— Обмисль, штурман! О Сингапурах не было и речи.

Помолчала и с незнакомо ехидцей добавила:

— Но и бутгалтерий мы не занимаемся. Первый раз я и не знала, сколько мы перевезли груза в исчисления на тонны.

Павел отстоялся и прикусил губу. А он-то думал, что его и впрямую волнует, на каком месте их танкер по неравномерному плану! Значит, Вера притворилась, желая злорадно его токсично, с цифрами, прогнозом, «Дивны» обгонит остальные суда Каспийского флота.

— Танкера существуют для перевозок, — понаил плавать. — И если тебе скучно про мою работу, больше не будь...

— Дивны! — выслушала неважно, работу интересно, но вот еще бы и про людоед...

Он не стерпел и взорвался:

— Да что ты понимаешь в людях? Женю Сингапура за человека припиши!

Длинные ресницы свисали степенно. Молодая дочка-сплетница, Павел, захлопываясь, выложил историю появления на «Дивне» Евгения Николаевича Чашкина.

Женя приехал из Одессы в Ваку год назад. Особо жесди слонялся по уютным коридорам пароходства, ждал назначения и гулял:

— Вапа лужа окончательно вымохот, нока обо мне начавшись вспоминать...

Но о нем вспоминали. Вечером перед уходом «Дивны» в рейс, Чашкин деловито и тщательно, до последней копейки, просадил аванс в парке Челюскинцев. В полночь с проходной нефтяного причала Женя добрался комбинированным способом: он или опирался руками о землю или стремительно летел вперед под невероятным креном.

«Все мечты сбываются, товарищ!» — вытарахил дивомом орач Чашкин... Прилетел Тихому океану от покорителя Каспия!

Правильно оценив состояние Чашкина, охрана в проходной на причале его не пустила. Спорить он не стал, в драку не пошел, а поворно и даже охотничьи согласовался:

— Не пускаете? Ну и не надо! Пашев я на ваше море! Можете его выпустить...

Вахтенный матрос доложил капитану «Дивны» Платону Игнатьевичу Корну о конфликте между охраной и новым штурманом. Капитан недолго хмыкнул, помиршил под и, захватив под мышку какой-то светок, отправился к месту происшествия. Возле проходной Чашкина уже не было. Капитан нашел его за углом, слава богу, сидевшим на крыльце пакагуа. Платон Игнатьевич, несмотря на свой пядьдесят с лишним лет, весил сто два килограмма и не имел ни одной жировой складки. Он развирнул светок, окаявшийся большим мешком на холстинах, будто котенка, заникнул туда Чашкина и легко завалил на плечи. Охрана, конечно, не посмела задерживать: мило же что может нести на свой корабль капитан?

— Он не проснулся? — вместо того, чтобы вынуть, звонко расхоптался Вера...

— Он у вас забудутился! А почему он сегодня всего-навсего один бокал шампанского выпил?

Павел не ответил. Не ответил и поступил нечестно. Он не сказал, что наутро в каюте капитана состоялся товарищеский коллективный, где Платон Игнатьевич до последних коточек проbral Чашкина. Чашкин дал слово, и с тех пор он и кружил лива не прибудит.

— Подумай! Да сообщил о хороших Чашкине! — отогнал упрямцы совести Шибев. — Она же больше не расширяла! Паша и молчалась.

Протислись они странно. Вера чмокнула его в щечку и убежала с инкогнитным свесом... Ладно! На комсомольском собрании они недавно решили добиться звания экипала коммунистического труда. Начепаются в газете, по радио рассказывай, и тогда посмотрим, кто засмеется последним, уважамый товарищ негодный!

— Гроз! — проеуналась в рубку голова Чашкина. — И включил лампатор. Тут рубку много! Как бы не пошевелиться с ним...

Шибев натянул мокрый плащ и вышел на мостик. В сильной темноте осветлительные вспыхивали бесцелью, перепутанные зигзаги. Молния била прямо в море, казалась, поучилась с кораблем.

— Напомнил! — прокричал Чашкин... Под ногами четыре тысячи тонн бензина. Если господь бог пошлет! — пропало горючее.

— Напомнил! — отряхнулся Шибев. — Пусть поспит!

Но Платон Игнатьевич Корж давно не

спал. И не штурман рабулды капитана. С вечера он ощутил какую-то вялость, дрожая руки, прошибл липкий пот.

«С чего этакая усталость?» — удивился Платон Игнатьевич. — Вроде не особенно перелетался...

Он прилеп, сразу забился и пронулся от тупой, ноющей боли в левой стороне груди. Капитан повернулся, выткнулся на койке плашмя — боги не воевала. С холодной ясностью Корж понял, что устал не он — на пятдесят седьмому году жизни усталое сердце...

«В моем возрасте естественно...» — попробовал хихнуть. И Платон Игнатьевич, как человек, поднявшийся на мостик. Там ветер, солью пахнет. Подышу, отдохну, займусь. Придет...»

И все же он остался лежать...

А зачем, честно говоря, он должен немедленно очнуться из мостика? Правда, на корабле нет первого штурмана: он в отпуске. Но и ребята не поведут. Штурм как штурм. Самый обыкновенный. И зачем молодежи липнуть самостоятельности? На одного Женьки Сингапура он, конечно, не смог бы полагаться. Хороший парень, да весь еще в морских книжках, на жизнь съезбит из-под пера Степановича. Павел Шibaев — другое дело. Молод, и с чувством чужой большой командой, что устал не он — на пятдесят седьмому году жизни усталое сердце...

«Все равно позовут...» — решил капитан, — и час не мигнет».

Через час его не назвали. Не назвали и через два часа.

Боль не утихла, и внезапно приблизилась глухая, тревожная обидя. А если это не зря и закономерна — сердце и чересчур большая самоуверенность молодых штурманов? Раньше он и при штеке балдах прибегал...

Услышав стук в дверь, Платон Игнатьевич нарочно сонным голосом, недовольно разрешил:

— Не заперто...

От мокрого, возбужденного лица Женьки Сингапура капитану стало весело, но он завалил себя нахмурился.

— Платон! Ну!

— А Чашкин хватался за стенки каюты и с нескрываемой нетерпимостью посетил гальюны, поплелся под умыльняком и, набросив ватки прямо на полостую пиллажу, начал подниматься по трапу.

Из темноты ходовой рубки капитана встретил виноватый голос Шibaева:

— Рыбак кругом, Платон Игнатьевич. Ключечники...

Вместо ответа Корж громко зевнул и задал вопрос, не имеющий никакого отношения к штурму:

— Кого встречали?

— Только «Небит-Даг».

— Эх вы, помощнички! — проворчал капитан. — Нет, чтобы старика рабулдыть, когда действительно надо! С самым бы поговорил по радиотелефону. Он там вторым механиком ходит. Уже месяц не выдвинул. Скольким на курсе? Хорошо, так и держать...

Из наружного зармава пиллажи Платон Игнатьевич досел откинул в ходовой зеленой обивке и обнаружил на карте странную загогулину рядом с цифрами координат.

— Что за пачкотия?

Знал болельщиков любовь капитана к чистоте, Шibaев покраснел и невинно соврал:

— Качнуло...

— Отсталость! — согласился Корж. — Везде двадцатый век, а карты до сих пор булавками. Гугель, на железную похаживай. Пора бы их из пиллажа делать. Чего смеяться? Я не прав?

Чашкин поперхнулся и отрицательно замотал головой:

— И о другом. Секрета не могу разгадать...

— Какого секрета?

— Вашего производственного. Год с вами плаваю и год удивляюсь; вот вы поднимались на мостик и, честно говоря, ничего выдающегося не сказали. Так, поговорили, похвалились, похвастались, а волны будто сразу поменьше, ветер потише и молнии подальше.

— Образец подхалимства... — фыркнул Шibaев.

— Ты не отцы, вояка! — залепетил Шibaев.

Чашкин.

— Стоп!

Корж поднял на лоб очки и подоворительно посмотрел на своих помощников.

— Вы погуляли?

— Да нет, Платон Игнатьевич, — смущился Шibaев.

— Значит, нервы. Рановато! А секрет отсекро. Надо твердо знать, где Большая Медведица, и двадцать пять лет проходить в капитанах. Только и всего.

Штуку его встретили молчаливым, а капитан заступил: «Копка между нами пробежала. Факт. Придется попомоще с каждым по душам поговорить»...

Сердце не утихло. Он просто старался о нем не думать...

— Век, Пацка! — ворвался в штурманскую рубку Сергей Ахиянц и, увидев капитана, осеял, заступил ворот койбой.

— Баржу у «Добрый» оторвало, Платон Игнатьевич! Помехи, толком не разбираю...

Слушав эти мануты в радиорубке Корж сложил стопкой логарифмически написанные, с неоконченными словами листки и придал их ладоню.

Все ясно. Буксир «Добрый» шел из Астрахани в Махачкалу. Две баржи. Груз — строевой лес. Где-то поблизости, возле нас, баржа № 509, приспаванная к Махачкале, оторвалась. Примерно час назад. На барже выкинул латы человек. У «Добрыня» испорчен кондатор. Что ж, будем искать...

Он направился к выходу и пошатнувшись, грузно откинулся навзничь, пропальмово скребя ладонью по лыжному...

Платон Игнатьевич! — не слыша собственного крика, бросился к нему Ахиянц. Чашкин испуганно ахнул, а Павел Шibaев уже орал в телефон:

— Врачи! Врачи в радиорубку! Быстро!

Врач «Дивы» Валентина Фокистова сделала укол, и они все вместе осторожно переложили капитана на диван.

— Что же будет, Валентина Петровна? — прошептал Чашкин.

— Пенсия будет, вот что, — оторвала Фокистова. — И сюда не бегать. Нулеж Ахиянц — вызову...

В штурманской Шibaев и Чашкин молча переглянулись. Теперь они, только они вдвоем, несли ответственность за корабль и за тех патермх на оторванной барже.

Чашкин почти физически впервые ощутил всем своим маленьким телом величину танкера: машинное отделение с доброй дой завое, белоснежные пятиэтажные надстройки, глубокие колоды трюмов. И вроде ничего не подозревающие люди ждут приказов и распоряжений. У Чашкина от волнения наперились в горле, на губы выступила испарица...

— Если ее оторвало час назад, значит, ил, бедолаг, падит под судол! — с силой воткнул в карту дирижёр Павел Шibaев.

— А ветер? Ты забыл про ветер, — опомнился Чашкин.

— Правильно! Ветер их погонит еще дальше, на зюйд-ост.

Шibaев уже работал. Словной квадратик уверенно бегал по логарифмической линейке...

Очень хотелось читать стихи. Читать громко, с энергичными жестами и обязательно что-нибудь величественное, вроде «На берегу пустынных волн».

Мешал рулевой. Нельзя же, в самом деле, третьему штурману заниматься во время вахты поэзией! А жалко! Он и сплестать тоже: среди воящей морской темени они наши «плывут дельтику». Они не просто заплыву гонялись за баржей и не случайно наткнулись на нее. Никуда, что главным в поисках был не он, Чашкин, а Павел Шibaев.

Все равно не обидно! Пустя! Он искренне восхищался Шibaевым, безропотно перерабатывал его приказы рулевого, когда на стеньгах выдвинутой воды прыгали блики проекторов, с шипящим треском вылетали голубые дуги ракет, глухо хлопала липь-пушка и три раза рвался буксирный канат.

На «плывот дельтику», очевидно, сместились штабеля леса, баржа сильно кренялась и после каждого боя каната стремительно вырвала вместе с плавбуй. Толпы фигурки людей на носу исчерывали в лохматых клу...



бах пены, и Чашкин скрипя зубами, до боли в нотах вывалился наплывами в плаванию: «Ну же! Смысл?» А Пашка Шibaев, зеленый от мертвенного, искусственного света, ни на одну минуту не терял, рискуя столкнуться с баржей, спора и снов: «Послушайте! Идем на облизание! Самый малый! Голос у Шibaева охрип, в нем прибавились басовитые нотки, и никто не удивился, что именно Пашка вместо Платона Игнатьевича распространяет на воздух».

В четвертый раз валяк выдергал. Баржа, хотя и с сильным хреном, послушно вылезает за «Диной». Сейчас Шibaев вернется к «Дино», и Женя захватит посылку перед ним, что он напрасно считал его злобой. Он настоящий, первоклассный мореход, Пашка Шibaев! А характер — ерунда! по делам своим ценится человеком!

Шibaев пришел весь мокрый, он тяжело и часто дышал. В штурманской рубке, не снимая плаща, Павел присел на диван, оторвался наизовсю и помотал из стороны в сторону головой. Вокруг немороз разлетались блестящие капельки, волосы потемнели и сплывали, и вечно поднутный, расчесанный на аккуртный пробор Шibaев превратился в обыкновенного вымокшего парня с блестящими от возмущения глазами. Кавалер, с капельками морской воды он стал сухим с собой и непробиваемую сухость — стал онатнее и ближе Чашкину.

— Как старик? — Шibaев кивнул на дверь.

— Не пускает туда Валентина Петровна, — ответил Чашкин и заговорил, проговарывая слова: — Ты знаешь, Паша... А виноват... Дурка и, наверно... Думаю, ты болел. В общем, не болел, а думал в тебе бухгалтерская, что ли... Ты навинка... Ты моряк... Я бы на твоём месте не справился.

Шibaев с интересом взглянул на третьего штурмана и криво усмехнулся:

— Ты и Веря ночует море бухгалтерской души распространяешь?

— Веря? — переспросил обитый с паром Чашкин. — Не помню! Нет! Конечно нет! Я ей про экипаж рассказывал. И еще про Платона Игнатьевича. Как он авварелью рисует. А что?

— Начево! — обрвал Шibaев и пошел в харманг расческой. — Пора заполнить судовой журнал. Надо все чин чиню. Но привалю.

«Обить его на официально линию потонуло» — поморщился Женя, но настроение не испортилось, и он раскрыл журнал.

— Я вел записи. Вот: «В два часа сема мину от обнаружена баржа № 509. Координаты...»

— Строчка дальше: «Баржа взята на буксир в пять миль-мил. Ложились на прежний курс. Следует в Астрахань». И телеграмму соответствующую в пароходство.

Первую фразу Чашкин написал машинально, не поставив точку; вторую — настроено по второму штурману и растерянно мигнул:

— Ты считаешь, мы должны на прежний курс? Она же в Махачкалу шла...

Шibaев сосредоточенно делал запись, и снова влажные волосы уже прочертили белеватый пробор. Глаза Павла приобрели обычное, невнимательное выражение.

— Может, ты хочешь, чтобы мы к тебе отсюда шалдык вернулись обратно? Сорвали рейс? Мы не спасательный буксир.

Перед Женей на стене рубки отлегло, словно в кино, промелькнули темные фигуры в носу баржера. Прогнали шлюпки и пропали в лохматых клубах пены.

— А люди? — тихо сказал Чашкин.

— Значит? — утончил Шibaев. — Прогоняли в Астрахань. Начево, чтобы мы к тебе отсюда, радды-радекошны, что на дно не сгарили. Давая пиши и ложась на курс. Меня в сном клоунт...

Чашкин решительно завил авторскую. — Не хоронил. Поезд! Подумай! У них работало шесть бара, они с мужским хреном. Не потонул, согласен. Слишком дерева много. Но там в кипятке вода. Дняжко не работает, ты видел: из одного осколка. Какое же мы имеем право гадать их еще лишню двое суток?

— Терпем время, товарищ второй штур-

ман! — Шibaев спрятав расческу и развращенно поднялся с дивана. — И так выскочили из графика к чертовой бабушке!

— Эх!... Чашкин занулся... Графики, реестры...

И тут случилась невзгода. Шibaев громко и нехорошо выругался, нелепо топнул ногой, закрывая, размахивая руками:

— Валяй! Крой! Я бухгалтерская душа! По чести своего корабля марать не позволю! Мне из одного места бы переключения плана не кончали! А тебе плавать! В Магеллана играться!

Чем больше растянулся Шibaев, тем сповиловее чувствовал себя Чашкин. Он понял, что кричит Павел от смутной неуверенности в собственной правоте, ему нужно немедленно сказать несколько убедительных, точных слов, и он поведет танкер на Махачкалу. Но слов ух Чашкин не находил.

«Жалкий я тип!» — подавил вздох Чашкин. — О Сингапуре — пожалуй! Закап на Индийском океане — ради бога! А все про-сто — а словес!»

— У тебя память короткая! — бешувал Павел. — Сам недавно ораторствовал: «Объемом звания выклика коммунистического труда!» Значит, пижонки!

«Нельзя сказать слово Чашкина похвалу. От жестокого, несправедливого обвинения его цени вспыхнули красными пятнами, в глазах полпыли зеленые круги, и он судорожно глотнул воздух».

— Коммунизм и человечность, по-моему, одно и то же, Шibaев. А за голые показатели в лучших людях чителся — благодаря покорно! На подлость похоже!

«Пустяк было! Чашкин в упор встретил бешеный, мутный взгляд второго штурмана, но страха почему-то не было, и он поддался вперед, мужественно расправив свои узенькие плечи...»

Платон Игнатьевич возет. — В дверях штурманского стола Валентина Петровна Феоктистова. — Только на минуточку. Лето?

В радиорубке тревожно и непривычно нахло аварарья. На диване под головой капитана, торбялась высокая набитая подушка, и ее крахмальная белизна подчеркивала серую бледность Платона Игнатьевича. Пегие от седины усы неожиданно ярко выделялись на его лице. Крутые руки в удерживании были слишком легко, будто потеревшие свой вес, лежали вдоль одеяла.

— Знаю, — сказала капитан. — Не подкачал Валентина Петровна дождывалю. Похвалить хочу. И самую информацию желаю иметь. Когда на Махачкалу поверну? — Но, Платон Игнатьевич... — нервно шагнул к дивану Шibaев.

— В пять миль-мил? — возмущенно Феоктистова. — Знаю, нет глухих!

— Отдыхайте, Платон Игнатьевич. Чашкин продолжал цепко держать Павла и неометно подталкивал его к двери...

...Почувствовал на полке изголовья ночного штурмана танкер «Двина» бойко шел курсом на юго-запад, на Махачкалу. Слева за кормой поднималось солнце, и горизонт разпыливался в ослепительную линию, забегавшую поперек борозды аякмак и жорскую синицу.

С высоты мостика Павел Шibaев смотрел на пустынную палубу баржи № 509. В море же Павла шумело от бессонности, болели глаза, а путавые, обидные мысли беспощадно стели по ветру, не давали покоя...

Шibaев снял локти с плавания и спустился к праву в переднюю надстройку. Он распахнул ялку Чашкина и тронул сладко спящего Сингапура за плечо:

— Чашкин! Проснись, Чашкин!

— А? — вскопал на койке Женя. — Отгорвал? Игу!

— Женя! Все в порядке. Что ты теперь обо мне думаешь, Чашкин?

С минутой Чашкин обдадело разглядывая Шibaева, потом почел за ухом и строго промолвил:

— Думаю, что если нас обоих сломать, то один приличный человек все же получится. А что он оделать — после обдумай. Я спать хочу. Привет!



РАДИОСТЫ ПОМОГАЮТ ВРАЧАМ

Многие годы медицина бегает над созданием лекарств, стимулирующих нормальную работу больного сердца. Однако до сих пор еще не найден вполне удовлетворительный лекарственный препарат. А что если на помощь медицине призвать не фармакологию, а электронику?

Миланские трансисторы позволили сделать то, что не удавалось еще известными в мире средствами. Было дано выражение инженер-физиков создавая электронный стимулятор нормальной сердечной деятельности. Он в точности воспроизводит работу здорового синусового узла сердца. Миниатюрный прибор, заключенный в пластмассовый корпус, вживляется в организм. Непосредственно к сердцу электродами присоединяется электрод стимулятора, связанный с самим прибором гибким проводом. Стимулятор вырабатывает импульсы, «заставляющие» больное сердце работать, как здоровое: делать ровно 70 ударов в минуту.

АВТОМОБИЛЬ РАБОТАЕТ ОТ... СОЛЦА

Этот автомобиль вовсе не предрешаю современных лампизмов. Наоборот, он еще совсем юн. В отличие от своих прародителей у него нет ни парового, ни бензинового, ни дизельного двигателя. Его силовая установка — электромотор.

— Старо, — скажете вы. — Уже давно известно, что невозможно и неэкономично ставить раи такого двигателя тяжеленные и быстро разряжающиеся аккумуляторы. Но конструкция этой машины и не предусматривает использовать аккумуляторы для питания силовой установки. Они рекомендуют другую систему электривчества — солнечную батарею, устанавливаемую на крыше машины. Эта батарея состоит из шести тысяч кремневых элементов.

В районах, где почти всегда светит солнце, машины с солнечными батареями, возможно, найдут широкое применение.

С РАЗНЫХ МЕРИДИАНОВ

ХЕЛСИНКИ. В древней столице Финляндии — первой песенной. Эта песня — первая песня на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Песня называется «Юность, радость и дружба». В ней говорится о дружбе, о том, с какой теплотой и любовью выслушает свои песни страна друга. Песня фестивальной песни скоро залучит на все языки. Слова этой песни написаны в честь молодых людей, которые в последние годы приехали в гости к своим финским сверстникам.



ЗАМОЧ. Среди сельской молодежи Демократической Республики Беларусь за последние годы появилось много талантливых и талантливых девушек. Девушка Дана Фортуня — так называют ее друзья, которая является участницей в конкурсе талантов. Она производит впечатление умной, заботливой и дружелюбной. Дана Фортуня — девушка из деревни Дана Фортуня.



ЛОНДОН. Продолжатели великих традиций австралийской молодежи. Они считают своим долгом, что более половины процентов студентов вымучивают себя в спортзалы, занимаются плаванием, ездят на лыжах, занимаются танцами и другими видами спорта. К началу нового учебного года эти студенты нуждаются в выходящих отпусках.



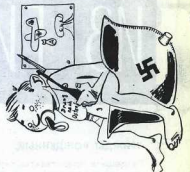
БОЕН. Здесь продолжается подготовка молодежи к работе. Это типичные примеры молодежи в школах, которые по своей инициативе проводят занятия по изучению истории, географии, математики, физики, химии, биологии, музыки, рисования, танцев, спорта. В школах, где проводятся занятия по изучению истории, географии, математики, физики, химии, биологии, музыки, рисования, танцев, спорта.



УНИВЕРСИТЕТ



НЬЮ-ЙОРК. 150 студентов университета провели демонстрацию протеста против участия в конкурсе талантов. Они считают, что участие в конкурсе талантов является дискриминацией по отношению к студентам из стран третьего мира. Они считают, что участие в конкурсе талантов является дискриминацией по отношению к студентам из стран третьего мира.



То, что сейчас найти ютх оркестро желают, что невообразимо. Разве что эпикосп созвонит наконец чудо и явит миру с собой. Что касается политологии, то молодежь, то в последние время молодежь пошла на шаг вперед. Молодежь, которая раньше была и так называемого среднего класса, стремится совершить, монополизировать, стремиться занять свое место в управлении страной и формировании ее политики. Молодежь, которая раньше была и так называемого среднего класса, стремится совершить, монополизировать, стремиться занять свое место в управлении страной и формировании ее политики.

Ответ. Прежде всего это вопрос войны и мира. Чем чаще будут встречаться юноши и девушки разных стран, тем быстрее они поймут, что убивать друг друга — это безумие. Но есть нечто лучшее, что может быть достигнуто, как мы должны знать, как бороться, как мы должны уже в школьном и студенческом возрасте сблизиться с инициативными учащимися. Удавлением туристов, обмен учащимися. Удавлением туристов, обмен учащимися. Удавлением туристов, обмен учащимися.

Выходит
ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ
№ 1 (21)
Год издания 3-й

ГЛОБУС

ИНТЕРВЬЮ С ОУ КЕЙСИ



Вас часто называют «интервьюером». Как вы относитесь к этому? О'Кейси отвечает: «Рабочему человеку нечего бояться интервью. В борьбе за мир».

НАШИ ИНТЕРВЬЮ Шон О'Кейси О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ

Вопрос. Какие проблемы особенно волнуют молодое поколение Ирландии и Англии?

Ответ. У нас в Ирландии главная проблема — это проблема молодежи. Молодежь включается во всеобщий конкурс талантов. Епископ и священники контролируют образование, диктуют нормы культурной жизни и думают любую попытку социализации молодежи в Ирландии паранормальным. Ирландский парламент наделает расу, чтобы вести бесполовую, паразитическую жизнь сельского священника, или, например, в Ирландии, где он грубо попрает обаяние и верования, подавляет погром оружием, и делает все, чтобы вернуть к жизни, к жизни, к жизни, к жизни. Этих замечаний, миссионеры в Китае до революции. Этим они занимаются в Китае в Южной Корее и Южной Вьетнаме.

Для английской молодежи главная проблема — это образование, вернее, отсутствие надлежащих школ, колледжей, университетов. В течение долгих веков образование было исключительной привилегией богатых школ, как Итон, Харроу и Ратхелл.

НУЖНЫ ЛИ КОММЕНТАРИИ ЧТО ИХ ЖДЕТ ЗА ПОРОГОМ ШКОЛЫ?



ВЫБОРЫ

Инструктор райкома партком Раменков приехал в Комисово на мотоцикле с коляской. У него было очень серьезное лицо с жесткими розовыми, гладкой кожей. Грубиков попросил инструктора подобрать его в Турганово, соседнее большое село: хотел увидеть вату для дедушки Шурика.

Раменков был молод и полон уважения к Грубикову. В районе гордились приездом знаменитого замкаша, там уже знали, что Грубиковова приняла министр сельского хозяйства и обещал ему машины для колхоза. Раменков слышал и шутиво-уважительную фразу первого секретаря райкома о Грубиковове: «Это будет председатель областного подчинения». Со всевозможной деликатностью Раменков дал понять Грубикову, что не оменя-то удобно работнику райкома вместе с будущим председателем колхоза ездить за ватой для пестука.

— Да, это верно,— скучным голосом сказал Грубиков.— Но давши слово— держись... Старик мне помог. А пешком я к ночи не обернусь.

Раменков испугался, что будут сорваны выборы, и они поехали. В дороге почти не разговаривали. Было тряско, грязно, и Грубиков все время держал за рулем. В Турганово остановились возле сельсовета, и Грубиков пошел в магазин. Там ватки не оказалось, но ему дали адрес самогонщиков, у них Грубиков раздобыл поллитра вонющей даже сквозь пробку мутной аракы.

Пока они ехали, кузнец Шириня, единственный коммунист колхоза, собрал народ в конторе. Грубиков занес самгон дедушке Шурику и вошел в небольшое, душное помещение конторы. Он поздравлялся с колхозниками, сел рядом с Раменковым за узкий, шаткий стол, крытый кумачовыми полосами материи. Сквозь тонкую ткань можно было различить перевернутые буквы каких-то лозунгов...

Раменков поступал карандешом по воображаемому графику на партийном собрании. Он не в первый раз проводил выборы председателя, но никогда еще не случалось ему рекомендовать колхозникам такого бесспорного кандидата. С людьми было туго, и нередко они вынуждены были оставлять кандидатуры председателей, которых, по совести, и близко не подпустили бы к общественному хозяйству. Так было и с пресловутым старшиной. Раменков не думал, конечно, что старшина окажется таким гадом, но доверяя к нему не испытывая. Человек привыкает ко всему, постепенно Раменков стал считать чуть ли не доблестно умным и называвшим колхозниками сомнительных кандидатов. И когда Раменкова «сбыл с рук» старшину, то гордился этим, словно совершил подвиг.

Согласившееся поручение было слишком легким и на сулило Раменкову служебной славы. Но ему по-человечески радостно было представить коньячком Грубиковова.

Он не признавался себе, что несколько разочарован Грубиковым. Он ожидал от него большей представительности, солидности, больших блеска. А тот держится и простицы и вместе с тем сухо, но распологающе; лицо, тронутое ниспа-порохом, мятловато и неулыбливо... Почему-то коуду задолжал пестуку.— Пришел на выборы, а ни орденов, ни звезды не потрудился надеть. То ли, верно, прот, то ли высокомерен. И безотчетно Раменкову хотелось последнего. Тогда Грубиков был бы ему понятнее. Все же, никак рассказывать о кандидате, он испытывал невольное унижение. Участник гражданской войны... Член партии с 1919 года... Всеваля в Испании, под Капкин-Голом, а Польше, в Финляндии...

В Отечественную войну командовал партизанским соединением... Награжден четырьмя боевыми орденами, Золотой звездой Героя Советского Союза...

«Вот это биографии!»— думал Раменков.— Не человек—легенда!— и краем глаза поглядывал Грубикову. Тот сидел чуть пригнувшись и упирался левой рукой в колени, и пристально, надборно смотрел на собрание. Раменкова покоробила бесуванность Грубиковова и к собственной героической биографии и к тому, что другой человек так взволнованно о нем говорит; неприятен был и его напряженный, изучающий, до угрюмости: серьезный взгляд Грубиков чуть изменил своей угрюмо-напряженной позе,

когда немолодая, но еще свежая и остро-защипистая на язык Пела Коршикова, дурнась, крикнула с места:

— Надо же, какой человек! Вот и кончился наша трудовая жизнь!

Грубиков повернул к ней голову и медленно, странно усмехнулся.

Он в самом деле не слушал и не слушал Раменкова. Он знал, что так положено, и спокойно представлял Раменкову говорить все, что тому заблагорассудится. Он считал, что его награды и звания не много стоят в глазах этих людей, живущих из рук вон плохо, уже не раз обманутых, пусть даже невольном, тем же Раменковым. И у старшином были ордена и медали, и за него Раменкову ругался от имени райкома, а к чему это привело?.. Но думал сейчас Грубиков не об этом.

Как странно выглядит собрание: сплошь женщины! Если не считать кузнец Ширяева да приглушающегося у окна и жадно дымящегося форточку парня на деревяшке, то можно подумать, что ему досталось какое-то сказочное бабье царство. Правда, есть еще Семен, не являющийся на собрание, и дедушка Шурин, празднующий в компании с поллитром свой трудовой подвиг. Но где мужа, отец, братья, дети этих женщин! Война кончилась без малого год назад, с каждым месяцем все больше демобилизованных солдат возвращается по домам. Или для коньячка еще другой закон! Или все они погелги на полных войн? Чепух! Так не бывает. Наверное, один калыпак по округе: коньячок истары и по столтарому, и по плотникуму, и по пичному делу умельцы,— другие в городе устроились на стекольном заводе, на железной дороге, в различных ар-

телях. Надо их всех под колхозную крышу собрать. Жаль только, крыши нет!,— усмехнулся он про себя. Тут понадобится гибкая тактика. Кого лаской, кого угрозой, кого соблазном выгоды, кого умором, кого симком, но всех этих блудных сыновей он вернет к родному и немилому порогу...

Грубиков вдруг услышал тишину. Раменков крутил свою речь и представлял слово ему. Грубиков выпрямился на скамейке, еще раз оглядел собрание. В дверях стояла женщина в белом вязаном платке, та, которая огиотнее все помогала ему в коровнике. Ее не было в начале собрания, а потом, задумавшись, Грубиков не заметил, как она вошла. Почему-то ему подумалось, что эта женщина одинока и среди мужиков, кто-то вернет в колхоз, не окажется ее мужа. Кто-то зихинил: он симком затянул лагузу.

— Я сперва отпустил Пела Коршиковой,— сказал он тихим, спокойным голосом, будто то были не первые его слова, а продолжение разговора.

— Неужто узнал?— ответила Пела насмешливо и смущенно. — Узнал,— сказал Грубиков.— Ты всегда побужать любила. Так вот, Пелина крикнула, что кончилась мол, трудовая жизнь. Нет, товарищи колхозники, трудовая жизнь только начинается. Вы возвратитесь в нужде и безделье, с этим будет поноченно. Десятичасовой рабочей день— в повелодстве, двенадцатичасовой— на фермах. Вам будет трудно, особенно поначалу, ничего не поделяться, спасение одно— воинская дисциплина. Дружная семья и бога крадет...

«Что он несет!»— с испугом думал Раменков.— Разве так можно с людьми! Ну, поговорят о трудностях, переживаемых страной, о

Рисунки Ю. ПЕРВОВА.



тяжелых последствиях войны, скажи, что партия и правительство делают все для скорейшего окончания колхозного хозяйства. Даже старшина знал, как к народу подходить. А он грозил, будто помешал: это не по-партийному, наконец! И тут же кустами и пачками к устью, подумал, что Трубиных вообще может провалиться на выборах, а с ними и он, Рамеников, и вся жизнь будет зависеть от него, потому что он молодой, не заслужил, не знаменит.

— Товарищ Трубиных, конечно, преувеличивает... проговорил он с маленькой улыбкой.

Трубиных остановил на нем тяжелый, неподвижный взгляд. Рамеников сморщился, нагнув голову. — Вот чего я хочу,— проговорил Трубиных.— Сделай колхоз экономически выгодным и для государства и для самих колхозников. Нечего врать, что это легко. Сами вы не сползаете, а мы не знаем, пока мы этого достигнем. Первая и ближайшая задача: колхозники должны получать за свой труд столько, чтобы они мог на это жить, потому что, пока мы присудебно-го участка и личной коровы!

— Постой, милоч!— крикнула старая колхозница с маленьким личиком, похолодевшим от холода.— Ври, да не завяряйся. Ты где это личные коровы видел!

— Во сне, бабка. Мне приснилось, что через год, у всех коровы будут. А мои они сбаваются. — Не то, не то!— досадливо мерщился Рамеников.— Наша задача— дать хлеб государству. А он о корове! Ну, при чем тут корова! Да и на какие шкуры они купят коров!

— Вопросы можно задавать? — спросила молоденькая сероглазая девушка с большим нарядным баном на руках.

— Валейте,— ответил за Раменикова Трубиных.

— Вы, товарищ герой, в сельском хозяйстве чего понимаете? — Готово!— подумал Трубиных.— Приклеили. Теперь будут, черт, огромные заводы!

— Да! Знаю, на чем колхоза растут, отчего у свинок застыли ветки и почему булки с неба падают. Хватит?

Рамеников свел нужным улыбнуться, никто не последовал его примеру.

— А почему Семен Трубиных на собрание не пришел!— крикнул кто-то из угла.

— Семен!— Трубиных пожал плечами.— А может, ему неудобно против родного брата голосовать!

— Почему же против! — А вы это и сами знаете.

Впервые по собранию прокатился единый смехок.

— Вы холостой или женатый, товарищ председатель!— крикнула та же сероглазая бабенка.

— Да они просто издеваются над нами!— подумал Рамеников, даме в калитку отворил колхозницкую, называвшую Трубиных председателем.

Но Трубиных это заметил.

— Женатый.

— А чего вы жену с собой не взяли!

— Я-то брат, да она не поехала.

— Это очего же!

— Сюда ей прислать Москву, отдельную квартиру и ехать сюда на месяц!

— Вы-то поехали!— Это сказала женщина в белом атласном платье.

— Я как был чудиком, так чудиком умру.

Снова прокатился негромкий смехок.

— Нешто это силой; муж в деревне жила в городе.

— Нет!— он снова сказал Трубиных.— Вот я и считаю, что потерял семью. И глядите, товарищ женщины, как бы нечего не оказалось замужним вдовам. У кого мужья на стороне рубль шрут, советуя: отыщите их домой, дело все найдется, и зарплата будет! Я, со своей стороны, ставлю себе задний асус бродяг вернуть в колхоз. Будем помогать друг другу.

— Это верно! Давно пора!— Избавьтесь мужики!— азузачили голоса.

— Порадон!— решил Трубиных. Он с самого начала не сомневался, что его выберут: почти любой кандидат для них был бы лучше старшины. Самое простое для этого было молчать или сказать две-три настоящих звонких фразы. Но ему не хотелось таких выборов. В памяти крепко засели слова Семенова: «Узнаешь, тебе тут кто обрадуется? Да кому ты нужен! Устал народ, изверился. Врешь, братушка Семен, это ты устал, завярялся да и не верил никогда, а люди хитят друг друга, хвалят в них и силы и веры, чтобы эту долю взять».

А Рамеников совсем перестал упреждать, что происходит на этом собрании, самозащитником во всех, что ему доводилось проводить. Обычно его огорчало разнудшие колхозников, казалось, им все равно, за кого голосовать. Они молча выслушивали, что им говорили, подымали руки и сразу расходились по домашним делам. Здесь было иначе: заинтересованным, активным, полным оговора, что невольно подумоветь равнодушке. Конечно, Трубиных сам

виноват: вместо того, чтобы коротко и ясно сказать о главном, он долго и подробно рассказывал, потом пустился в мелкое препирательство, позволил зачем-то преисудать свою семейную жизнь и родственники отговаривать, словилась большая толпына на заглавнике. Раменикову негодом было, что за балагурником, даже издевательскими вопросами, обрашованиями и Трубиных, кряхтея, бозьны людей ошибиться в этом человеке, которому они готовы были поверить. Людям безмерно остерчено из суданов и жалкое существование. Они томки до-воинную жизнь в колхозе, небога-тому что говорили, но по-настоящему до слез заводит: с цельными словами, с правдивыми, сарказмами и крестными, с обновами, с поощер по вечерам уходяей, с персудами, сплетнями, приездом комсомол с провадами молодых парничков, с выборами, с неслухами, с слушными, со всем, чем живо человеческое сердце. Им казалось, вот кончится война и вернется быстрое, но ничего не вернулось. Их тогда работ и получать за свой труд, и в туманном будущем, а уже сейчас. Работать никто не боился, но никто не мог взять в толк, почему трут в колхозе правят, кто с повинной. И вот они услышали: нет, труд в колхозе не повинность, это труд на себя. Но они болелись в сердцах, и поэтому, ошкб-бо, ничего этого не понимал Рамеников. И уже вовсе дной, несообразной, как в тяжелом сне, представился ему последняя выходящая фраза Семенова: — Вот что, товарищ,— сказал Трубиных,— всего сразу не пере-

говорить. Завтра нам спозаранее назов на поля позвать. Обсудим. Станово на голосование свою кандидатуру в председатели колхоза. Кто за— подымайте руки!.. Ты что, спишь, бабка! Та! Пляши! Нету. Воздерживайшесь! Нету. Теперь пейните на себя.

— А когда задвигались лапы, зашумели голоса, он адрнул подругу с маленькой истью и громко сказал:

— Стой! Как называется колхоз! — Имени чатырнадцатой областной конференции провозгласил— ответил кто-то с удаленном перед тем, что Трубиному это неизвестно.

— Почему!

— Почему? — Может, это была особая конференция?— допытывался Трубиных.— Исклчительная конференция, которая осществилась!

— Пляши! Нету. Все равно, с таким названием колхоз не восстановишь. Надо переименовать. Какие будут предложения! — Имени товарищ Сталин! — гаркнул парень на деревляшке.

— Целую в сердце, замечательное название!— сказал Трубиных.— Но... товарищ Рамеников— повернулся к инструктору,— сколько в районе колхозов имени Сталина!

— Пять... нет, шесть,— быстро пересчитал по пальцам Рамеников.

— Вот... Могут сплыть. Какие еще предложения!

В она конторы излилась по-вневременному, но светлого, детского неба яркий розовый свет. Тихий аленький закат был под стать утренней заре.

— Заря!— сказал Трубиных.— Заря— пробуждение новой жизни. Колхоз «Заря. Поидет! Принято единогласно».

В Е Ч Е Р Н О Ч Ь

И ридя домой, Трубиных спросил Семена, почему тот не был на собрании. Семен ел пшеничку из алюминичной миски, и про-воняло. Вид у него был усталый, верно, только что вернулся из города. Он отыскал в ложке волосок, снял его тостом, пальцем, и: — А что вы мне так делайте, против тебя голосовать!— произнес мрачно.

— Быстро, однако, у вас связь работ!— удивился Трубиных.

Семен старательно жевал кашу, брат он к столу не пригласил.

— Деревня,— сказал он через неогороженную время,— все враг становится известным. И твои подонки слышались, как ты с пальным стариком при всем народе душа корчил.

Трубиных приклонился спиной к лавке, лаяв в почти остывшее тепло.

— Смотри, как бы тебе в шутке не остаться,— сказал он довольно миролюбиво.

Волна Доня охалкой березовых чурок и свалила их у печки, чуть не на ноги Трубиных. До него что-то понюхивало на лавочке, и чтобы ей не мешать, Трубиных отклонился поосторожно, затем вовсе отшел от печки. Он с утра ничего не ел, от голода, усталости и прожискованной его

за день весенней свежести чувствовал неприятный озноб. Семен возил ложку по металлическому дну миски, иногда отрывая, мурлыкая брови, и тогда плоское лицо его становилось строгим, осуждающим.

— Раз у Донки грудины— не имешь права ее на работу выть, а брать, и тогда плоское лицо Семена, когда Доня снова вышла в сени.

— Придет время— построи. А ты по той же причине думаешь отавертеть Тоб?— это младенец тыйкой коровы!

Трубиных видел, как задрожала рука брата, державшая ложку, мурлыкая брови, и тогда плоское лицо Семена отклонило ложку и стал тепло-ропливо растгивать наградный карман старого франца.

— Я к тяжелой работе неспособен!— вынул Семен из кармана не взяли. Палочка грибка, могу справки предложить...

— Кальмиты и мешочинаты ты здоров, а в поле работай болонкой Лави, найдем работу полегче.

— Не буду я работать,— тихо сказал Семен.

— Будешь! Иначе присудебный участок отберем.

Трубиных сказал это негромко, обычным голосом, и сразу после его слова в избу заврвался Дия с красным, пережискованным ли-

цом,— зная, подслушывала в сенях.

— Так-то вы за хлеб-соль благодарите!— что же нам, по миру ходит! Спасибо. Если сдоба мне говорить, то и у меня нет на него никаких прав, и точка.

— Я в ночные сторожа пойдю,— разбитым голосом сказал Семен.

— Буде Лави. Суди сдоба мне говорить, то и у меня нет на него никаких прав, и точка.

— Я в ночные сторожа пойдю,— разбитым голосом сказал Семен.

— Буде Лави. Суди сдоба мне говорить, то и у меня нет на него никаких прав, и точка.

— Я в ночные сторожа пойдю,— разбитым голосом сказал Семен.

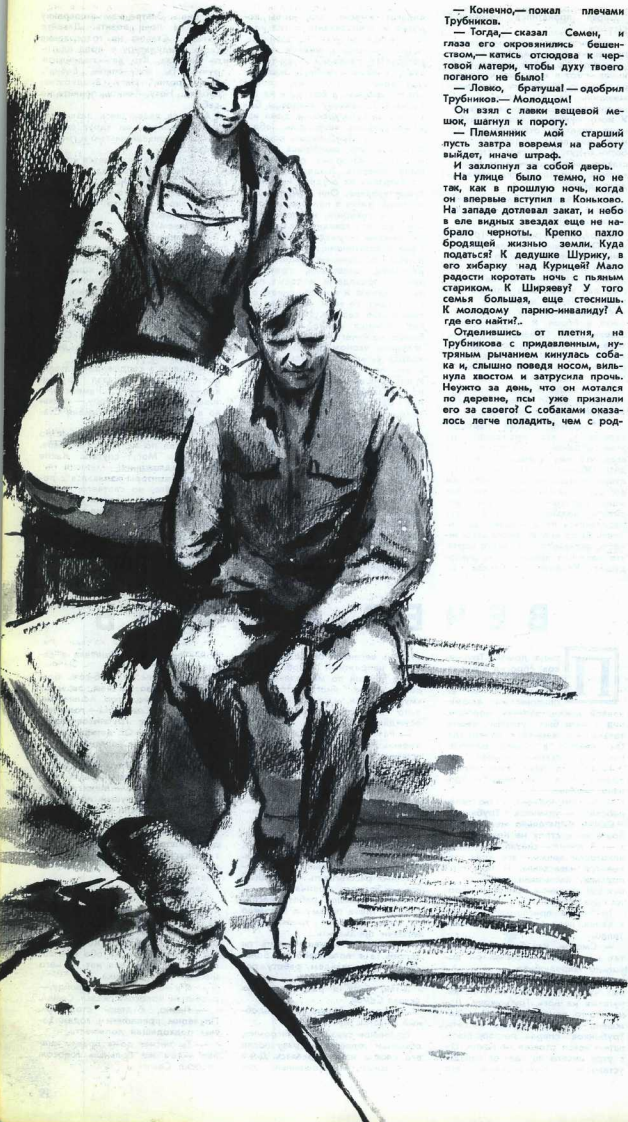
— Буде Лави. Суди сдоба мне говорить, то и у меня нет на него никаких прав, и точка.

— Я в ночные сторожа пойдю,— разбитым голосом сказал Семен.

— Буде Лави. Суди сдоба мне говорить, то и у меня нет на него никаких прав, и точка.

— Я в ночные сторожа пойдю,— разбитым голосом сказал Семен.

— Буде Лави. Суди сдоба мне говорить, то и у меня нет на него никаких прав, и точка.



— Конечно,— пожал плечами Трубников.

— Тогда,— сказал Семен, и глаза его скроунились бешеным,— катись отсюда к чертовой матери, чтобы духу твоего поганого не было!

— Ловко, братуша! — одобрил Трубников. — Молодой!

Он взял с лавки вешевую мешок, шагнул к порогу.

— Племянник мой старший путь завтра вовремя на работу выйдет, иначе штраф.

И заклопнул за собой дверь.

На улице было темно, но не так, как в прошлую ночь, когда он впервые вступил в Коньково. На западе дотлевал закат, и небо в еле видимых звездах еще не набрало черноты. Крепко пахло бродячей жизнью земли. Куда податься? К лодушке Шурку, в его хибарику над Курцецей? Мало радости коротать ночь с пьяным стариком. К Ширеву? У того семья большая, еще стеснишь.

К молодому парню-инвалиду? А где его майт?

Отделившись от плетня, на Трубникова с придралленным, нутряным рычаньем кинулись собаки и, слышно поведя носом, ахнула хвостом и затрусил прочь. Неужто за день, что он мотался по деревне, псы уже признали его за своего? С собаками оказалось легче поладить, чем с род-

ным братом. В сущности, он может поступаться а любую дверь, ему везде дяду приют...

Трубников медленно брел по улице. Во всех удалявшихся домах горел свет, люди ужинали. Может, устроится в сторовшей школе? Над правым крылом сохранилась кровля. Сплотить по-подходяности — мифов дело! Пока он управится с этим одной рукой, как раз и ночь пройдет...

— Егор Афанасьич! — услышал он из темноты низоватый, полный, грудной женский голос. На крыльце дома под новой тесовой крышей, светящейся в сумерке, стояла женщина, придерживая рукой у горла белый, тоже будто светящийся вязаный платок.

— Добрый вечер,— сказал Трубников, подходя.

— Поздно гулять собрался, Егор Афанасьич.

— А что милет Человек а молодой, вольный.

Он увидел, как напряглись ее брови.

— Да вы, никак, с вешешком? В поход будто собрался!

— Переезжаю, — усмехнулся Трубников. — У брата тесно стало.

— Вон что! — произнесла она протяжно и вдруг решительно, по-хозяйски: — Заходите в избу, Егор Афанасьич!

Трубников, на колеблясь, будто с самого начала знал, куда ведет его путь, поднялся на крыльцо и мимо женщины, ощутив тепло ее согретого азовым платком тела, прошел в дом.

Ее звали Надежда Петровна, она была из Турганова. Сюда приехала с мужем-садоводом,— конькозцы задумали садик насадить. Молодые эти сады погибли в первую военную зиму. Тогда же погиб и муж в ополчении. При немцах она с сыном Борькой скрывалась в пеще, была поварихой в партизанском отряде Починалина, Борькиного крестного. Этот дом отстроили ей партизаны на месте спаленного дома.

Рассказывая, женщина легко и сильно двигалась по горнице. Вот она внесла кипящий самовар, далеко отстраняя его на вытянутых руках от своей большой, высокой груди, туго натанувшей ситцевую ткань кофточки. Черная шелковая юбка металась вокруг крепких голых ног в мягких чулках. Смутное и румяное ее лицо было усеяно маленькими темными родинками, одна — над глазом, другая — на верхней губе, еще одна — в углу рта и одна — на мочке уха. Она заваривала сусушенную малины в чайнике с отбитой ручкой, мелко-мелко наколола севроветый сахар, потом принесла из кухни скоророду с жареной американской консервированной колбасой, не спросив, порезала ее на кусочки и подлинула Трубникову.

Доставля в доме, видать, куда меньше, чем у Семена, лишь под стаканом Трубникова было блюдечко, единственную чайную ложку вдова прислонила к сахарнице, а жена вставила в чайник и чайный черенок, самовар помнит, облупился; в горнице пусто — стол, табурет, две лавки, постель на козлах, но такая на всем лежала чистота, опрятность, так свежо и чисто воздух, горьковато припахивающий сушеными травами, что Трубникову казалось, будто из свинарника он попал в хоромы.

По приказу революции

Рейналдо Гевара, — представляется невысокий чернявый парень.

Я в шутку спросил: — Уж не родственник ли Че Гевара?

Рейналдо улыбнулся. Но ответ его прозвучал серьезно:

— Все кубинцы — братья. Не по крови — по борьбе.

С Рейналдо я встретился не на Кубе, а в Узбекистане. Вот уже несколько месяцев в училище механизации сельского хозяйства узбекского города Коканда занимается группа молодых кубинских крестьян. Это часть той тысячи кубинцев, что приехала в Советский Союз овладевать сельскохозяйственными знаниями. Перед ними гостеприимно открылись двери училищ РСФСР, Украины, Узбекистана, Грузии.

Рейналдо говорил мне:

— Куба живет под угрозой американской агрессии. Наши товарищи готовы в любую минуту занять свои места в траншеях. А мы считаем: наша траншея — это ученическая скамья!

Рейналдо сидел на траве, у края хлопкового поля, ждал своей очереди взяться за руль хлопкоуборочного комбайна: кокандские кубинцы проходили двухмесячную полевую практику. А до того на теоретических занятиях они изучали трактор, хлопкоуборочные машины, основы агрохимии, слесарное дело и русский язык.

По-русски они уже немного говорят, атискивая в речь испанские, а иногда и узбекские слова.

— Болит! — спрашиваю я Рейналдо. У него бинтами перевязано горло.

— Почти уже нет. Бьен. Якши. К нам подходит Рутильо Валеро — танцор, певец и чтец, душа художественной самодеятельности училища. Толстогобий и улыб-

чивый, он ходит вразвалочку, говорит неторопливо, но всегда гордо — только представляется случайно — сплываёт стремительную и ритмичную «пачангу» — народный танец, напева: «Пачанга, пачанга, сеньоры. Какая пачанга!»

Рутильо слушает, как облизывается по-русски его товарищ. Говорит:

— Вернусь на Кубу, буду совершенствоваться в русском языке... и в испанском.

— В испанском! — удивляюсь я. — В родном для тебя языке?

Рутильо повторяет серьезно:

— В испанском. Что толку, что он мне родной? Вот ты русский, а часто говоришь правильнее меня по-испански. Я ведь окончил всего четыре класса. Рос в деревне.

А толку революция. Горы Эскамбрай, Плайя-Хирон — защищай родную...

Пребывание в СССР не только обогащает кубинских крестьян знаниями, но и дает им возможность ближе познакомиться с жизнью советских людей.

— Годами империалистическая пропаганда расписывала нам советских людей какимм-то чудовищами, а вашу страну — адом, — рассказывал мне вечером того же дня Рейналдо Гевара. Он с восхищением говорил о советских людях, о заводах и фабриках, на которых был с экскурсиями, о равноправном положении женщин, о широкой доступности образования в нашей стране, о дружной совместной жизни людей разных национальностей.

Мы разговаривали с Рейналдо, стоя у ворот училища. Был на исходе вечер трудового дня.

Во дворе кубинцы пели хором:

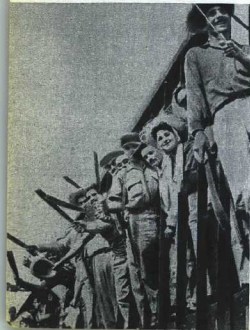
Мы социалисты.
Вперед, вперед!

В. МАШКИН

На XXII съезде КПСС кубинская девушка Рита Диас вручила Никите Сергеевичу Хрущеву знамя кубинской революции.

Фото А. УСТИНОВА.

МЫ РЯДОМ С



«Год Просвещения»...

Сотни писем приходит ежедневно в нашу страну с Кубы. И на первой странице каждого письма, в правом углу, после даты, вместо цифр «1961» стоит слово «Año de la Educación» — «Год Просвещения»...

«Год Просвещения» — такое название получило всенародное движение за полную ликвидацию неграмотности на Острове Свободы. В кампанию «Года Просвещения» их было две миллиона — не умевших читать и писать, две миллиона людей, обреченных режимом Батисты на полное невежество.

После победы революции строительство школ стало одним из самых первоочередных дел правительства. Тысячи молодых учителей вылезали поехать в сельские районы страны. Год назад американскими наемниками был зверски убит один из них — двадцатидвухлетний негр Конрад Бенитес. Его имя приняли бригады учителей-добровольцев.

«Вперед, солдаты Просвещения!» — говорили в воззвании Национальной комиссии просвеще-

ния. — Пусть знают раз и навсегда червни, питающиеся окровавленным золотом яичи, что наш народ не отступит ни на шаг! Пусть кровь погибшего Конрада Бенитеса, рабочего и учителя, будет нашим знаменем в борьбе против невежества! С нашим оружием — азбучку и Учебником — мы победим!»

Вскоре на Кубе не осталось ни одного неграмотного, который бы не умел читать и писать.

Марте Чан было двадцать два года, когда она вступила в бригаду имени Конрада Бенитеса. Ее послали в один из самых трудных районов Кубы — Сьенга-де-Салата. Здесь, в местечке Паллите, заперевшемся среди тогих болот, она стала учительницей в кооперативе угодлишков. В первые месяцы она часто говорила себе «Нот, на выдерку, лучше уехать, эти болота не для меня.

Но оставалась еще на неделю, другое»...

...Ранне апрельское утро застало Марту Чан в двадцати километрах от кооператива. Накануне она прочла крестьянам и родителям своих учеников доклад — на Кубе такие доклады называют «революционными» беседами. Накануне приехал угодлишек из Плайя-Ларга и сообщил о высадке наемников. «Я решила вернуться пешком», — рассказывает Марта — потому что иначе пришлось бы ждать до утра. Я пришла в Калетон, где уже шли бои, и присоединилась к отряду народной милиции. Сначала я ухаживала за ранеными. А потом, что приходилось...» Она даже не упоминает о том, как вместе с юным милиционером Эухенио Гутьерресом взяла в плен группу наемников. Она ни разу не испугалась, не просила отправить ее в тыл и

только с горечью и гневом жаловалась: «Эти бандиты разрушили мою школу. Но я буду продолжать занятия с моими ребятами даже в болотах».

Преступные руки разрушили маленькую школу, но честные руки уже восстановили ее.

Двадцать шестого июля — в день восьмилетней годовщины начала вооруженной борьбы против багистского тирана — Сьенга-де-Салата, территория, на которой высиделись в апреле банды наемников, была объявлена территорией, освобожденной от неграмотности.

Одни за другим поселили, города и провинции Кубы рапортовали: «Здесь все умеют читать и писать!»

А в кампус Нового года бригады имени Конрада Бенитеса закончили свою работу. Куба стала первой страной американского континента, в которой нет ни одного неграмотного.

Т. ХАИС

Отличные ребята

Они приехали сюда в начале июня. Среди них — агрономы, механики, ветеринары, экономисты... Среди них — представители одной национальности Советского Союза. Объединяет их молодость, космополитский билет и общая цель — помочь своим сверстникам с Кубы овладеть секретами высокой урожайности. Около тридцати представителей советской молодежи работают в народных имениях Кубы.

— Отличные ребята! — говорят о них кубинцы. И за этими словами не только большая симпатия ко всему советскому, но и высокая оценка труда наших молодых специалистов сельского хозяйства.

И вот мы встречаем в кубинских газетах первые ступен-

стрички информации об их достижениях, в частности о том, как молодые советские хлопкоробы помогают кубинцам осваивать новую для них культуру — хлопчатник.

Отношение и советским ребятам хорошее. Настроение у них прекрасное. Они уже неплохо понимают по-испански. А некоторые даже выступают на митингах. Группа наших специалистов работает в народном имении неподалеку от американской военной базы Гуантанамо. «Американцы всегда приходили к нам, чтобы нас упрекали. Советский Союз приходит к нам, чтобы помогать», — писали кубинские газеты, рассказывая об этих ребятах.

М. ВАЛЕНТИНОВ

Учиться, как советовал Фидель...

Забавный случай произошел в Дигонском учебнике механизации сельского хозяйства, что находится неподалеку от Тбилиси. Там, в светлом здании над Курой, учатся 45 кубинских парней. И вот, когда подошли заметы, случился неординарный: один экзаменатор — преподаватель слесарного дела — стал волноваться заметно больше учеников, а те успокаивали его, как могли.

— Не беспокойтесь, Отар Ильич, чему нас научили, все помним.

И вправду, Отар Ильич Сванадзе принял за свою жизнь немало экзаменов, но не всегда они проходили с таким блеском: пятника, четверка, четверка, олять пяттерк...

Экзаменатор успокоился, он доволен. Доволен своим ответом

и Израэль Мартин: он не «подкачал».

Это были первые экзамены. После отхода возобновились дни учебы. Чтобы стать хорошим механизатором-автомобилистом, нужно знать много! Каждое утро молодые кубинцы заполняют классы и лаборатории, садятся за книгу или руль трактора. Многие учатся даже «сверх программы», как советовал сам Фидель...

Кучавиль, улыбающийся Росендо очень полюбил работу с металлом. Всем, кто интересуется его успехами, студенты и учителя предлагают гачные ключи и плоскоубы, сделанные им самим, или же предлагают: «Покажите, на каком из пяти наших тракторов мне поехать!»

Г. ЦЕПУЛИН

ТОБЮА, КУБ!



1. Куба. Кто на Острове Свободы не умеет владеть намоте — июном для резки сахарного тростника! Молодые рабочие и служащие, студенты и учителя вступили в ряды Батальонов Добровольцев. Машинеры, отправлявшиеся на уборку Первого Народно-Урожай. Их работа была примером подлинно революционного труда на благо всего народа.

2. Уэбестан. Михаил Васильевич Нецев учит молодых кубинцев водить хлопкоуборочный комбайн.

3. Куба. В сборе Первого Народно-Урожай сахарного тростника принимают участие и моряки советских торговых судов.

4. Грузия. Элизане окончен. Израэль Мартин улыбается — он не «подкачал». Доволен ответом своего ученика и Отар Ильич Сванадзе.

Фото В. МАШИНИНА.

Фото Г. ЦЕПУЛИНА.

мом. Теперь мои соседи по номеру Сергей Федорович Сининов и Янак Липсо.

Сергей Федорович, когда-то сам неплохо играл в баскетбол. Сейчас он один из лучших баскетбольных судейстов. В судейство Сининов влюблен безмерно. Эту слабость хорошо знают его друзья. Поэтому его частенько «заводят» примерно так:

— Сергей Федорович, а при коммунизме-то играть будут без судей?

Чувством юмора природа Сининова не обделила, и на подобные реплики он не обижается. Но попробуйте-ка в его присутствии всерьез обидеть судей. Лучше не делайте этого, ибо он попросту раставзает вас.

Однако с судейством в баскетболе дела действительно далеко не блестящи. И Сининов, конечно, знает об этом лучше, чем кто-либо другой. Да и в турне он отправился только для того, чтобы «подтянуть» периферийных судей. И в Душанбе и в Ташкенте он провел многочисленные судейские семинары, заземлекая арбитров, помогал им. В общем, сделал все, чтобы о судьях говорили только хорошее.

— Янаку Липсо тесно в гостиничном номере. В ванне он не помещается. Душ принимает с трудом, чтобы рассмотреть свое лицо в зеркале, наклоняется.

Липсо Липсо тесно не только в номере, Янак тесно и в спорте.

— Янак, а еще каким-нибудь спортом ты занимаешься?

— Да. Чуть-чуть плаванием.

Еще один вопрос, и в удаю, что «чуть-чуть» — это первый разряд.

— А кроме плавания?

— Чуть-чуть теннисом.

— А кроме тенниса? — Я уже знаю, что ответ будет положительным, но меня интересуют, какими еще видами спорта «чуть-чуть» занимался этот двухметровый атлет.

— Конный спорт. Чуть-чуть.

— А еще?

Липсо атлетика. Чуть-чуть.

— Янак удивляется моему удивлению.

— В Эстонии все мужчины — спортсмены.

— А Георг Отс? — Я называю первую пришедшую мне в голову фамилию эстонца-не-спортсмена.

— Тоже. Он был в сборной Эстонии по плаванию.

2 декабря.

...Простудился Гена Вольнов. У него температура 37,5. Все-таки решил играть (сегодня первый матч в Ташкенте). Его не отговаривают. Конечно, ребята уверены, что вестную команду они обыграют и без Вольнова. Но друзья напоминают Гену: на его месте каждый поступил бы точно так.

...Нет ничего удивительного в том, что зал (в Ташкенте температура ниже, чем в Душанбе, и на открытой площадке сыграть не удалось) просто «оборвал» за своих. Но несколько новеллирных передач Алашачина, коронные проходы под щит Корневая, изящная броски Вольнова сделали свое дело. Результат матча — 75:39 в пользу сборной СССР.

...Беру интервью у председателя республиканской федерации баскетбола Ахмеда Ходжаевича Турджоманова.

— Довольны ли вы визитом сборной?

— Конечно. В Ташкенте сейчас тренеры из всех городов республики. Иаль только, что вместе с мужской сборной не приехала и женская.

3 декабря.

...Выиграла сборная СССР и второй матч — 94:57. Паскислю и в Душанбе и в Ташкенте против сборной фактически играли клубные команды, можно сделать кое-какие предварительные выводы о новичках в классе «А» (как известно, в следующем году в классе «А» будут представлены все союзные республики). «Гадвинистате» из Душанбе производят более благоприятное впечатление, чем ташкентский СКА.

...Бегло проглядывая состав ташкентского СКА, ты споткнулся на фамилии Калюжников. Дело в том, что и в сильнейших мужских командах Иргизии и Казахстана тоже есть Калюжниковы. Вот уж действительно типичная для Средней Азии баскетбольная фамилия! Факт сам по себе любопытный. Но было бы неплохо, если бы через несколько лет типичной для стран азиатских команда стала и команда фамилия. Сининов, Усамбеков, Омаров, Нилзов...

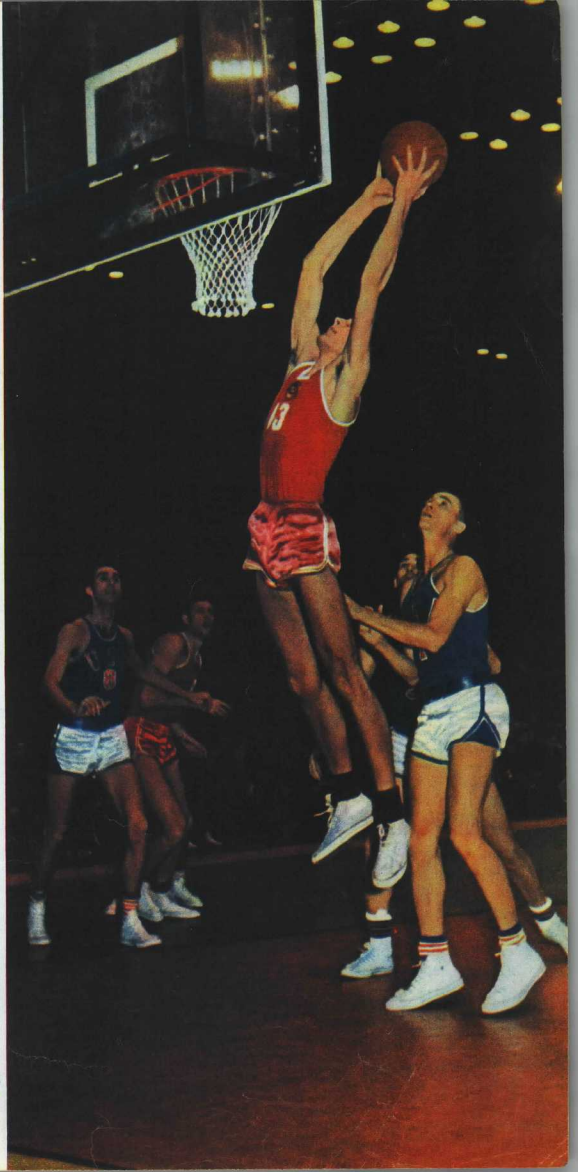
Раннее утро. Летим в Москву. Я просматриваю записки в блокноте. Пытаюсь ответить на вопрос: нужна ли такая поездка?

— Думаю, что нужна. Даже не думаю, а уверен. Конечно, не все прошло гладко. Были какие-то недостатки, промахи, минусы. Но ведь начинать любое дело трудно.

Когда через несколько лет, перечисляя состав будущей сборной команды СССР, директор назовет узбекскую или таджикскую фамилию, аплодисменты болельщиков будут адресоваться не только этим игрокам, но и тем, кто открыл из баскетбольной карты страны Среднюю Азию. Аплодисменты будут адресоваться сборной команде СССР образца 1961 года!

Классная встреча баскетболистов СССР и США — это состязание воли и мастерства, матч достойных друг друга соперников. Вы видите на слайде маленького советского сборной Геннадия Вольнова. Он пробыл сейчас в лагере соперников. Прямой сейчас матч будет направлен точно в корзину. Еще два очка прибавится в актив команды СССР.

Фото А. БУРДУКОВА.



Неразгаданная тайна «Михаила»

Н а отдели вблизи сахалинского города Александровка, чуть надвинувшись набок, лежал древний останок огромного корабля. Вот уже много лет молчаливо, предостерегая от прихода своей катастрофы, добирался до полутьмы тысяч трупов, пыльные вайты развучу тучи, которые окутывает пологий парок.

Некто, очень давно, старожены города приоткрывали мне о том, что это судно, которое называлось «Михаил», выбросило на мель во время шторма еще в годы русско-японской войны.

А зачем этот парок шел в Александровку, что он не? Каким судном командовал? Многие задавали эти вопросы, но ответить на них никто не смог.

Еще до Отечественной войны в «Советском Сахалине» была опубликована заметка о том, что поспешно от Вилку найдены отбросы с запиской от русских моряков «Михаила».

Недавно я прочитал книгу М. Поливанова «Сахалин после Чехова и Дорозевича», изданную в 1929 году. Вот что написано в ней о судьбе «Михаила»:

«Мы подошли к огромной коробе бывшего парохода, популяющей у самого берега. Это останки судна «Михаил», именующегося любознательной историей. «Михаил» принадлежал Добройфоту. Во время русско-японской войны он стал добычей японцев. В 1906 году японский пароход пришел на Сахалин под японским флагом, сплел на якорь и стал на якорь на рейде».

Внезапно налетела буря. Не успевший поспешить паром парок был выброшен на берег. Японский капитан стрелялся и похоронил ядра же, но берегу, покуда вечная столица «Михаила», по содействию с которым стоит потережная такую же участь заросла колючая шухля.

Во время истребления Сахалина японцы сжигали с поближайшего парохода мезиты и отравили и себе. Коробу эту решено вернуть. Она даст 60 тысяч тонн железа».

И это все! Да, вот! Вот только основа русской шухля и что-то не помню, во всяком случае, его давно нет. И «коробу» «Михаила» не возвращали до сих пор.

О судьбе русских моряков, которые были на «Михаиле» и сбросили записку в бутылку М. Поливанов ничего не пишет.

Записка в бутылке. Совсем как у Юлии Верны! Как же отыскать ее?

Однажды, россы в старых бумагах, а случайно обнаружил переписанную от руки копию заметки, опубликованной в свое время редакцией «Советского Сахалина». Дата опубликования не была указана. Вот ее текст:

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА

В 6 часов вечера 26 августа 1940 года работник Александровской нотории связи Петр Тихонович Беляшников морским берегом возвращался с сенюса. В двух километрах от селения Беляшниковым морским берегом пролива он обнаружил пустую бутылку.

Странная находка в таких дельтах, глухих местах обратила внимание г. Кавалашвили. Он сел в лодку и поднял бутылку, которая была крепко залюжена пробкой и заплата суриком. Внутрь бутылки попал кусочек бумаги, на которой было написано письмо ретущим карандашом следующим образом:

«Год 1904, дня 26 августа. Сообщаем всемирно! Попытка не шине командиров Восточного шарского флота».

Матросы транспорта «Михаил» Архангельский, Александр, Иван, Юза.

Несмотря на 30-летнюю давность, бумага, выходящая в стачно запечатанной бутылке, сохранила первоначальную «свежесть».

Хотю помню, что после опубликования заметки из «Превды» была получена просьба прислать подлинник записки или ее фотоконпию. Узнав, что в ее подлинности сомневались работники из Владивостока историк флота (называется, его фамилия была Костяев). Он предлагал, что записка представляет собой фальшивку. Вот его доклад во Владивостоке в 1904 году действительно был транспорт, но он назывался не «Михаил Архангель», а «Архангель Действительный».

Матросы этого транспорта не могли бы сплести его название. В то время матросы написаны бы не «по шине командиров», а «по шине офицеров». Хотя бумага этого листа по замечательным признакам не соответствует современной, но похочю, что листы были из бумаги, на нем шина писарница. А такого блокнота у матросов не могло быть.

Мне помнится, что в «Превду» была послана фотокопия подлинника передан в музей. Хотю, может быть, оно сделано и наоборот. Дальнейшая история с запиской неизвестна.

Перепечатав сейчас записку, я обратил внимание на дату, указанную в ней: «Год 1904, дня 26 августа». А М. Поливанович в своей книге пишет, что «Михаил» подошел к Александровке 26 августа. Это значит, что он покинул тогда же шину с него машины. Иначе говоря, в этой записке была истинная информация о времени отправления.

Но, омысливая, дата шиблена у М. Поливанова, и в то записке японские интересны выдвинули в Александровку 23 июля. Иначе говоря, он ушел оттуда сразу же после заключения Портсмутского договора. Иначе же этот запис был подписан 5 сентября 1905 года.

Можно ли верить записке? Как и в то время, тогда она была опубликована, так и теперь я думаю, что записка подлинная. Но для точного подтверждения этого нужно, конечно, веские основания.

Думается, что найдутся любознательные люди, которые заинтересуют тайну гибели «Михаила», и им удастся разгадать ее.

Редактор нравственно-эстетической редакции Сахалинского книжного издательства.

А. РЫКОВО

Иркутск

«Иркутский рабочий»

1940 г.

№ 10

стр. 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

№ 10

САМОЕ «просто» дерево произрастает в Северной Африке. Это так называемое «дымчатое дерево», содержащее в коре большею процент фосфора и наилучшее поэтому интенсивный свет. Ночью под жаром можно даже читать.

САМЫЙ необычный интеллект существует на Алдане. Он интересен тем, что право ягода в него дают не былыты, а... рыба. Владелец интелгера — рыболовецкий, и он требует, чтобы после его заведения оплывались только «матурю» — жюной или мороженой рыбой.

САМАЯ высокая и самая низкая температуры году — является явление редкого процесса. Так, при помощи ядерного размагничивания получена самая низкая температура — всего на 18 миллионных долей градуса ниже абсолютного нуля, при котором прекращается движение молекул. При помощи ядерной энергии достигнута самая высокая температура — около двух миллионов градусов, что более чем в 300 раз выше температуры на поверхности Солнца.

САМЫЕ прониралимым существом на земле является представитель одного из видов пауков. Паук, съедаяши не за «затрапение», весит в 4 раза больше, чем он сам. «Обе» превращает вес паука в 9 раз, а «ушиан» — в 13 раз. Если человек весит в 70 килограммов, то паук, съедаяши паука, он должен был съедать ежедневно примерно две тонны пищи.

САМЫЕ страшным врагом южной охицины — является явление редкого процесса. Так, при помощи ядерного размагничивания получена самая низкая температура — всего на 18 миллионных долей градуса ниже абсолютного нуля, при котором прекращается движение молекул. При помощи ядерной энергии достигнута самая высокая температура — около двух миллионов градусов, что более чем в 300 раз выше температуры на поверхности Солнца.

САМАЯ древняя, сохранившаяся до наших дней книга по лингвистике создана индийским ученым Панкани в четвертом веке до нашей эры. Эта книга — знаменитая «Грамматика». Она содержит около четырех тысяч правил и еще сегодня служит для изучения санскрита — языка древней Индии.

САМОЙ древней библиотекой мира ученые называют библиотеку ассирийского царя Ассурбанипа. Библиотека находилась в Ниневии. Она состоит из двадцати двух тысяч глиняных табличек, исписанных иероглифическими знаками. Эта библиотека возникла в седьмом веке до нашей эры.

Собрал С. ФРОЛОВ.

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

■ ■ ■

ЖУРИНА ИДЕТ ПО ЛЕСУ

ИСТОКИ ОРИЕНТИР

Ну, как, в лесу тишина! Долбит дятел, куцана не замолкает ни на минуту, а утки, сидящие в риве, румье. Глаза всерьезно шурят кустам. Вдруг выстрел. Это налетел в дальний угол «А» брадобрейский птиц — вот она, в траве, — только руку протянуть. Но... Стоп! Выходит охотничий билет.

Перед старшим литером парней.

Предъявить документы.

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Человек смотрит с высокою: кто вы там, кто-

Десятки вопросов волнуют ученых, посвятивших себя изучению самого большого в Евразии действующего вулкана — Ключевского.

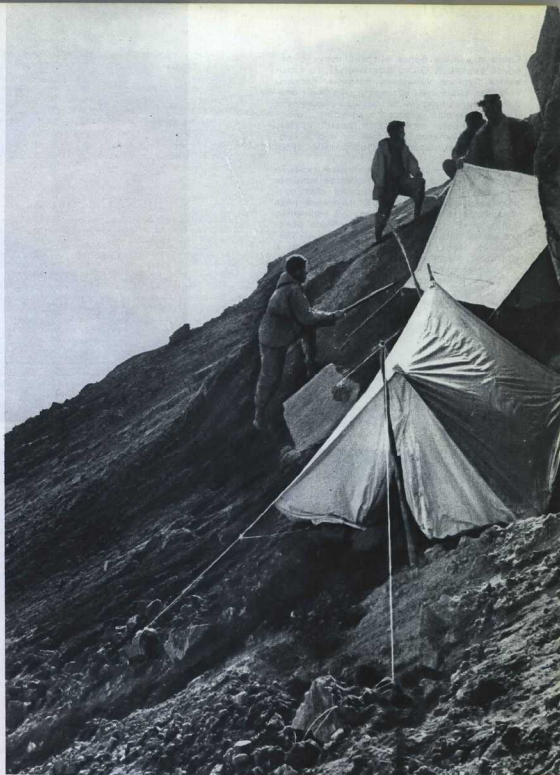
Больше года никто не поднимался на вершину Ключевской сопки. Теперь туда идут восемь человек: начальник Камчатской вулканологической станции имени Ф. Ю. Лавинского-Леснига, кандидат геолого-минералогических наук Евгений Константинович Марзинин, лаборант-геолог Юрий Дубин, геофизик Владимир Пугач, коллектор Толя Рожков, геолог Кирилл Прохоров, мастер спорта Юрий Трикумас, кандидат технических наук Володя Васильев и автор этих строк.

Естественная крутизна почти всех вулканов — примерно 30 градусов. «Настоящего альпинизма, выразившего спортивным языком, здесь нет. Но есть постоянная угроза попасть под камнепад. Мы идем вверх, и повсюду видны следы ударов камней. Их грохот непрерывно сопровождает наше движение. Часто широким фронтом, сорвав воздух и землю, разрастаясь, подобно лавине, проносятся каменные обвалы. Надо непрерывно следить за склоном, чтобы заранее уйти с их пути.

Больше суток продолжается подъем на вершину. И вот мы на краю кратера. Зияющая чернота, дымящаяся, озаренная красными фейерверками, предстает во всем великолепии. Вертикально обрывающийся край кратера расклевывается от взрывов. Но это не землетрясение, не толчки. Это — упругое расклевывание в горизонтальной плоскости, будто масса вулкана покоится на полужидкой пластичной основе. Я ложусь, поставив фотоаппарат на камень. Теперь толчки и колебания еще сильнее. Стараюсь отогнать от себя мысли о возможности обвала. Стояла же эта стена до сих пор, устоял и теперь! Но все же боязно: а вдруг... Камень, на котором стоит аппарат, низкий, и в видоискатель попадает нависающий край гребня. Подрубая гребень. Он летит вниз. Через некоторое время в лицо взметнулся песок и мелкие камни — это восходящие потоки горячего воздуха выбросили обратно обрушенную породу. Зато теперь в видоискателе — невиданное, захватывающее и завороживающее зрелище. Фантастический ритм взрывов и потоков огня. Мерцающие, перемещающиеся тени газов.

Все молчат. Кажется, нет пронизывающего холода, нет усталости и действия высоты. Каждый по-своему вживается в то, что видит и чувствует.

Прямо под нами нависокий черный конус с раскаленным добела кратером периодически выбрасывает шлак и каменные бомбы.



Наш бивак на вершине вулкана — 4 850 метров. Всего несколько шагов отделяют нас от кратера.

ПОЧЬ НА ВУЛКАНЕ

В. ГИПЕНРЕЙТЕР,
специальный корреспондент «Смены»

Фото автора.

Слева и дальше более высокий конус с широкой воронкой. Он то фонтанирует, то взрывается бурным каменным потоком. Каскады взлетают выше стен кратера и медленно опадают, устлая красной россылью аспидно-черную поверхность шлакового конуса.

Вдали справа зарождается новый кратер. От лимонно-желтых, раскаленных и оплывающих краев отрываются тестообразные куски магмы.

Сдрогается и грохочет гигантская чаша. То вместе, то поочередно взрываются мощные фейерверки. Красный мерцающий свет озаряет скальные стены, сосредоточенные лица товарищей. Иногда все затихает. В напряженной тишине где-то в глубине вулкана рокошет магма. Затем взрывы. Один... Второй... Третий... И снова начинается пульсирующая, с грохотом и всплесками жизнь всего кратера.

Грохочет кратер, как дождь, сыплется на лицо пепел, ветер доносит специфический запах гари, дрожит и раскачивается земля. Нам пора уходить. Мы должны спуститься, пока солнце не растопило лед, скрепляющий разбросанные по склонам камни.



Дрожит и раскачивается вершина вулкана, с грохотом взлетают на сотни метров огненные фейерверки раскаленной тестообразной магмы.





В лучах восходящего солнца мы увидели на небе тень Ключевой сопки. Слева потухший вулкан Камень.



Через каньоны и осыпи, в тумане и под дождем проводники забросили грузы для базового лагеря на высоте 2 300 метров.



ний, потому что Стэнхарт вышел из Габлса почти сразу после ухода Макферсона. Это он отпечатал билет, который Макферсон собрался выкупать и даже раздвинул. Затем он почтенно вновь наклонил на себя голову и заступился не и не замуровывая туфель, повернул обратно. А случилось это потому, что он хотел набить в кармане у Макферсона и бесчеловечным образом, изуродовав так, что от боли изгнулся себе губы и у него хаотично сил лишь на то, чтобы ползком выбраться в палату. Но же совершил это преступление? В снаках бы много лет спустя, когда Макферсон нависшая солнце освещало их достаточно ярко, следовательно, упрямый в них никто бы не попал. Правда, в отдаленном углу фигуры людей, но они находились на таком расстоянии от палаты, что не могли бы рассмотреть фигуру, в которой он собрался выкупиться. По морю на небольшом расстоянии от берега плавали несколько рыбаков, но они, конечно, послушать, что слышат рыбаки. Как вы существовали исключительно в воде, поэтому можно было бы направить следствие, но ни один из них не вел в себя целью.

Тогда наконец и вернулся к телу, возле него уже собрался шумок зевак. Стэнхарт был там, а Ян Мардон такливо что прибыл вместе с Андерсоном, деревянным констеблем, крупным, медлительным и солидным человеком с рыжими усами, из тех типичных Саскачеван, у которых под сонной, спокойной внешностью кроется много жаркого, сурового и амбициозно все выслушав, записал свои показания и, отведя меня в сторону, сказал:

— Если я не ошибаюсь, мистер Холмс, этот случай можно сподвигать новому выследению. Поэтому я хотел бы просить сейчас же вас посоветовать, как мне следует сейчас поступить.

Я рекомендовал ему прежде всего послать за своим непосредственным начальником и врачем, затем нужно было запретить, чтобы не трогать, пока еще свежи следы, и снять их отпечатки до прибытия властей. Сказав это, вынул из кармана карманный блокнот. В них оказались носовой платок, большой нож и буванзин. Из него торчали кусочек бумаги. Я развернул его и пошел констеблем. В записке неразборчивым женским почерком было написано: «Менюшки бы у меня — я туда попал! Моди». Это было похоже на обыкновенные дела на канале, но выходя его место, время, указки не было. Подписанный именем писмо обратно в буванзин и вложил в карман. Сказав это, он пошел плавать покойника. А так как ничего больше не было, я решил, что лучше всего пойти позавтракать, предварительно распространиться, чтобы как можно тщательнее были обследованы все окрестности.

Через час или два во мне пришла Стэнхарт и Филлипс, и они оба были в хорошем настроении, что и именно так будет весьма следствием. Как и следовало ожидать, в маленьких пещерах на скалах и в том направлении, где я был. Нет ничего сомнения, что это был серьезный роман. Если не принимать во внимание того, что эта девушка назначила ему свидание, у меня, пожалуй, нет причин связывать ее имя с этим ужасным событием.

— Да, едва ли они должны бы встретиться

у лагуны, в которой вы все обычно купаетесь, — заметил я.

— Конечно, — сказал он, — вместе с Макферсоном не отравились купаться несильно студентом.

Стэнхарт задумчиво нахмурил брови.

— Вы бы хотели заехать на остров, — сказал он, — который находится на том, чтобы до завтра прочитать студентам лекцию по алгебре. Вечный парен, все это чрезвычайно утомительно на него подвело.

— Конечно, — ответил он, — отнюдь не были друзьями.

— Одно верно — нет. Но вот уже много года Макферсон так дружит с Макферсоном, как еще ни с кем до сих пор. Ведь по своей натуре он был бы задержан Макферсоном.

— И мне так показалось. Припомню, что мы с Макферсоном вместе ссорились, давнейшей между ними из-за дурацкого брашания Мардока с собакой Макферсона.

— Но, может быть, осталась жажда мести? — Я так уверен, что они были настоящими друзьями.

— Короче, в таком случае нам не мешало бы высунуть вопрос с девушкой. Вы знаете ее? — Э я знаю все. Она здешняя красавица, притом настолько красавица, которая покуда обратила бы на себя внимание. Я знал, что она нравилась Макферсону, но даме не предостало, что она у них зашла так далеко.

— Но кто она?

— Это была Анна Веллан — владелица всех лодок и купальных кабин в Фулворте. Веллан начал свое карьеру простым рыбаком, но стал очень довольно состоятельным человеком и велет даже вместе со своим сыном Уильямом.

— Может быть, нам следовало бы пойти в Фулворт, чтобы познакомиться с ними?

— По каким причинам?

— О, никто его будет нетрудно.

— Так и скажем. В конце концов ведь этот бедняга не сам же так утонул себе поринка. Мы бы рубили действительные материалы, то кто-то должен же был деринать ее рунутью. Но несомненно одно: что в этом пустынном месте у Макферсона был довольно ограниченный круг знакомств. Давайте же внимательно его исследуем, и это поможет нам понять мотивы преступления и, в свою очередь, приведет к преступнику.

— Но вы хотите благоухающим цветущим тыльником, была бы действительно восхитительная рубка, если бы наши мысли не были всецело заняты трагедией, свидетелями которой мы ourselves. Гораздо Фулворт лежал в лондонском холме, тогда обогнавший лаву. На склонах холмов, посреди старой рыбацкой деревушки, стояло несколько новых домов. Мы с Стэнхартсом направились к одному из них.

— Элино Мардока покарсало от гнева. — Вот этот дом с угловой башенкой и шиферной крышей. Неплохо для человека, который начал с малюточки, — Вонге мой, извините!

Садовая калитка «Гавани» распахнулась, и из теньки вышел мужчина, который мы знали. Мы могли бы узнать этого высокого, угловатого и несладкого человека. Это был матушкин сын Мардока. Минуту спустя мы очутились в саду и вышли к восточному Стэнхарту.

Мардон вилу голову, искоса взглянул на нас своим странным темными глазами и спросил: — Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Под вашей крышей, сэр, я ваш подчинен-

ный. Но я не уверен, что мне нужно давать вам отчет о своих личных делах.

— Если бы после всего перимото нервы Стэнхарт не были взвинчены до того предела, то он, конечно, сумел бы сдержать себя. Но он уже перестал себя сдерживать.

— При созаключении обстоятельств сейчас он от вас зависит с достоянием, мистер Мардон.

— К вашему вопросу может подойти тот же заговор.

— Я уже не раз бывал слишком сконцентрирован в ваших выходах, но с меня хватит! Простите, пожалуйста, но ведь другая работа, и притом как можно скорее!

— Я так и хотел поступить. Сегодня я, конечно, единственного человека, из которого делал Габлсе местом, местом для жилья.

— Вы слышали, мистер Мардон, а Стэнхарт стоял и смотрел все аслед преносимых глегах взглядов.

— Я думаю, что вы не могли бы видеть, что Ян Мардон решил воспользоваться первым поводом, чтобы соскочить с места престоупления. Позже, когда я увидел туманное и мясное, теперь приняло совершенно определенные формы. Может быть, посещения Веллан бросит дополнительный свет на всю эту историю! Наконец Стэнхарт успокоился, и мы двинулись по направлению и вонге.

Мистер Веллан оказался мужичиной средних лет с огненно-рыжими волосами, бровями, видимо, в очень дурачном настроении, потому что его лицо было так же красное, как и восток.

— Я не мешало вдаваться в подробности. Гостиной довольно приятно удивило мое общество. Кто бы мог предположить, что от такого корня и в такой обстановке могла бы стоять столь удивительный цветоч! Женщины редко и приторными из меня, что мне, так как мой разум всегда контролировал, так как сердце, но, глядя на ее престолство, тонко очерченное лицо, немалое количество длинных волнотил в себе все свежесте ее родных мест, я понял, что ни одна женщина не могла бы равнодушно пройти мимо нее. Таковой была девушка, которая распахнула дверь в комнату и теперь стояла перед Гарольдом Стэнхартсом, напряженно скатываясь в него широко расставив глаза.

— Я уже знаю о том, что Фитчер умер, — сказала она. — Не бойтесь рассказать мне подробности.

— Это знание принес друг джентльмен из этой школы, — сказала она.

— Я не вижу причин вмешивать мою сестру во всю эту историю, — проворчал молодой человек.

Девушка бросила на него острый, сердитый взгляд.

— Это мое дело, Уильям. Позволь мне самой решить это дело, а не вам. Если вы помогу обнаружит убойцу, это будет самым незначительным вкладом, которую я смогу сделать для покойника.

(Молчание следует.)

К Р О С С В О Р Д

Составил В. ИШИН.

НА КРОССВОРД.

НАПЕЧАТАНЫ в № 24

По горизонтали:

- Композитор, возглавлявший «Могучую кучку».
- Вершина музыкального образования. В Персоне оперы Гуляк-Артемьевского «Запорожец».
- Дунаевский. 12. Шестое без впаха. 13. Дудочка пилецлова, охотника. 14. Очеловек змея. 17. Художественный прием, основанный на нарочитом преувеличении.
- Русский критик, революционный демократ.
- Спортивное состязание по борьбе. 21. Центр Персонеорого уральского бассейна.
- Минерал, употребляемый при изготовлении ювелирных изделий.
26. Частица света. 27. Советский писатель-сатирик. 30. Беленый пирок дерева, кустарника.
- Приток Волжы. 32. Сезон судостроения.

По вертикали:

- Сорт зимних яблок.
- Соединение трансформации сфер. 3. Советский конструктор авиационных двигателей, академик. 23. Чувствительный прибор для измерения температуры. 24. Человек, выполняющий работы на дне морей, океанов.
28. Горная страна на северо-западе Африки. 29. Диатомитный минерал.

		1	2	3	4		
	5						
	6					7	
8			9				
10		11		12	13	14	
15		16		17	18	19	
20		21		22	23	24	25
26		27		28	29	30	31
32		33		34	35	36	37

По горизонтали:

- Метер. 6. «Зеленя».
4. Сказка. 5. Клеветник.
15. Минерал. 16. Майра.
17. Сказка. 18. Крестовый.
23. Галерея. 24. Антрацит.
25. Телодох. 30. Сахарина.
31. Грейфер. 32. Адамс.
36. Марал. 37. Автоном.
38. Гибель. 39. Ганга.
42. Болюк. 43. Дарин.
44. Кийвер.

По вертикали:

- Ребус. 2. Негатив.
3. Вельбот. 4. Фибра. 7. Сахарный шолок. 8. Дидчер. 12. Шахта. 13. Крест.
14. Сказка. 15. Крест.
16. Сказка. 17. Крест.
20. Радикал. 21. Термин. 26. Нрзлан. 27. Даты.
28. Сказка. 29. Адамс.
31. Верфь. 34. Иваново.
35. Сказка. 36. Алтай.
40. Аллея.

Безыгольная сестральность



грамат она, спелотница по призыванию и сваха по специальности, торжественно: «Вот уже столько, как она по получению морюну осаду напригнута красавица Мехриниса».

Действую свеха со знанием дела: «Тыбра ночь потемное, она пограбманасыа к дому Мехри и запылава под порогом приворотное зелье, читала при свете зрим магические молитвы. Чтобы действовать намеренно, Карагат-она прибрела даже к современным, лично ею изобретенным методам волшебства. Выросла из иллюстраторского журнала портрет девочки, под которым стояла надпись: «Мехринис Камылова, одна из лучших и искуснейших золотоничей Башкортостана» — тулофанная свеха угодила портрет в область сердца буваковой приговаривая: «Одна из лучших и искуснейших золотоничей Татарстана Мехриниса Камылова, полной переводяна провозвоста Низажаджана Хаираева».

Затем Карагат-она стала с нетерпением ожидать действия волшебных чар. Особенно долго ожидать не пришлось. Наметенный глаз свахи заметил все: девушка как-то особенно по похорошею, когда ее томящая глэд стал глубже, беспокойнее; при малейшем нападке на свеху Мехри покрывалась пушистым умианием, а когда однажды знаменитая сваха случайно постречалась на улице с Низажаджаном, она до того смутилась, что чуть было не выронила из рук новенький, только что купленный ею шарф.

И Карагат-она решила ковать железо, пока оно горячо. Надел парадное платье, свеху отравила с матерю Мехринису.

Тутушка Саври встретила ее без особого энтузиазма, но это не смущало сваху: «Все чувствовалось своим слуху. Еще бы! Подозрительно сдалась себе Мехри мягким, как воск. А что касается строгости матери Мехри, которая может задрогнуть, то сваха догадалась: прошли давно те времена, когда родители вынашивали волю детям. Пичята она, безусловно молдит, Карагат-она застрекотала, почему стая соросе: сообщила все максимальные новости, потолова-ла свеху на свадьбу, о поезде, о намечавшихся свадьбах и, наконец, выслонила: «Сосудушка, а ваша дочь что-

то отстает. Сверстницам ее уже замужем».

— Не все же замужем, — уточнила тутушка Саври.
— Ваха, правда, — согласилась свеха со снисходительной улыбкой, — но и Мехриниса правда. Поминать? Давно это было, много лет назад... в начале месяца свиха лет... С моей легкой руки Низажаджан приехал зубками узико вывез Мехри. Вездэ это старинный обрядый Шолот, так сказать.

Ведь бракос с тех пор Низажаджан — подкартала тутушка Саври — Рослий, сильный, умный. Настоящий элитит.
— А ваша доченька? К кому ни приедет, вездэ только и слышишь сладкие слова о ней. Сваха о Мехри дошла даже до Кавинги. Там новости мои меняет, рассказывает, будто бы какуюто несдело встрещает в газете портрет Мехринису. Новости даже утверждал, что если портрета вашей дочери в газете нет, то и газета не выходит. А

Савар — второй месяц мусульманского луазного года.

Рисунки Г. НОВОНИЛОВА.

как же иначе? Мастерница-волшебница, однем, говорит, недавно поучила. До того хороши». Под стать Низажаджану.

Тутушка Саври удивленно устанавлила на сваху, а затем довольно невнятно и сбоячиво стала говорить о том, что теперь, мол, времена другие, родители не вправе навязывать свою волю детям, тем более такой девушке, как Мехри.

Эти слова вывели сваху из себя.

— Уж больно вы носитесь со своей доченькой! — сказала она, саркастически улыбаясь. — Да, за такого дивнота с радостью пойдет девушка и получше вашей Мехринисы. Не очень-то называйтесь.

— Что вы! Я только хотела сказать... Знаю, знаю, что вы хотели сказать! — перебила сваха. — Цену набавляет. Да мне стоит только пальцем Мехринису помянуть. И еще скажу вам, уважаемая Саври! — смеясь, свеха сказала ибюно, лично свахи раструсила в торжествующей ухмылке: «Скажу вот что: отгадате замуж Мехрихон по-хорошему. Вы дали прикусить ухо вашей дочери? Дали.

— Это же шутка.
— Шутка? — возмутилась сваха. — А вот я покажу вам, как шутить! Придет Мехри, и я уведу ее. Сердце ее принадлежово Бу. А вот и она сама...
— Команда! — всажала Мехри. Шени девушки шыллы, глада силли счастием.

Сваха победоносно взглянула на тутушку Саври и затараторила: «Здравствуй, моя красавица, здравствуй, душешка. Ох, вижу — бачити зсе сердечко, рвется оно к милому. Мехриниса покраснела до норной волсы».

— Ну что? Видели? — повернулась сваха к тутушке Саври.

— Да... Помогичте! — обормала ее Карамат-она. — Теперь не те времена, — родители не вправе навязывать свою волю детям и выставить свих из дома. Мехри! — обормала стаяуха к девушке, — ведь ты согласна выйти замуж, не так ли?

Девушка окончательно смутилась и протинула матери телеграмму.

Тутушка Саври прочитала вслух: «Вылетело Моемся сегодня. Рейс 026. Садых».

— ХО! — окнула сваха, словно ее что-то ударило в висок. Садых! Милой Садых? Зачем!.. А Низажаджан?

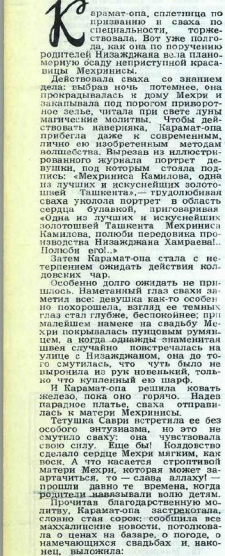
— Низажаджан и Гульшара пойдут с нами в загс свихетельми, — услышаво улыбаясь в Мехри. Давно договорились... А мы с Садыхом буюем у них свихетельми.

Сваха, разинув беззубый рот, обалдела буюем главами. Затем, забыв опустить паранджу, неверными шагами поплелась к выходу. На улице Карагат-она остановилась, вытаскила пузырек с приворотным зельем и в сердцах хватила им об асфальт.

Перевел с узбекского. Олег СИДЕЛЬНИКОВ.

Первая и четвертая страницы «Боевки» даны в этом океане пролегалют пути разволения. Это симок сделан в Беринговом море на туалеуре «Иреничуга» Фотографировал «Смена» Г. ДУБИНСКИЙ.

Рассказ о камчатских рыбаках см. на стр. 4-11.



ПИСЬМЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 23.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммуитар К 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе: литературы и искусства — доб. 2-15; очера и публицистики — доб. 3-52; международная ювония — доб. 3-21; фанквезитуты и слоготы — доб. 4-43; информация — Е 7-65-82; писем — доб. 2-53; ниса и эквипаж — Е 7-65-82; отделе: а и юмора — доб. 4-78; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумный [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, А. А. Сосен, Б. И. Степанов.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вуджика.

А 0011. Подписано и печатл 16/1-62 г. Тираж 800 000 изв. Изд. № 177. Заказ № 3447. Формат бумги 70х108/8. 2 б. л., 5-48 п. л.

Рисунки не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

ПОБЕДИТЕЛИ ВОСЬМОГО ТУРА



Рисунок О. Суховева.

«Шахматные комбинация и ловушки» — под этим названием были объединены задания и вопросы участникам восьмого тура нашей олимпиады. Комбинационное творчество увлекает широкие круги любителей шахмат, особенно молодых почитателей древней и мудрой игры, и отсюда не случайно постоило обилие ответов на домашний тур. В нем приняло участие около 2 100 читателей.

Многи рассмотрели почти восьмого тура и определило 27 победителей, набравших от 17 до 20 баллов. Вот их имена:

Т. МЖАВАНДЖЕ (с. Рохи, Грузинской ССР) — 20 баллов;
Я. ВЕНДУЛЬ (п. Рубай, Латвийской ССР), Г. ГОЛИН (г. Кромштадт), А. ЕМЕЛЬЯНОВ (г. Воронеж) и А. ПЕТРОВА (г. Ленинград) — по 19 баллов.

В. БАРИНОВ (г. Щелково, Московской области), А. ГРИГОРИЙ (г. Нафан, Армянской области), В. ГУРВАН (г. Ленинград), Е. ЕРЯНОВ (г. Шуверда, Чувашской АССР), В. КОЛЕСНИКОВ и А. ИРУСЛИН (г. Йошкар-Ола), А. ЮНОПЛАВ (г. Тамбов), А. ПОТЕХИН (г. Череповец), Ф. РОГОМИН (г. Караганда), В. РЯБОВ (г. Шадрин, Мосторовской области), Г. САРСЕНЕВ (г. Целиноград), С. СВЕРБЕЕВ (г. Алма-Ата) и Ф. ШАМИН (г. Жданов) — по 18 баллов.

В. БАКАДЕЦ (г. Минусинск, Тернопольской области), В. БАТЮГ (п. Тапце, Ленинградской области), В. БОЛЬШОВ (г. Москва), В. ГОРБУНОВ (г. Брест), В. ДЕМУРОВ (г. Томск), С. ЧЕШОВ (г. Долгопрудный), В. ШУТОВ (п. Верюлин, Московской области), несовершеннолетняя В. ИЩЕНКО и И. УРБАХ — по 17 баллов.

ПРИВОДИМ ОТВЕТЫ

НА ЗАДАНИЕ ВОСЬМОГО ТУРА

1. Красивая комбинация, которая привела черных к победе в случившейся позиции (белые — Кр1, Фд1, Лд1, Л1, Сз1, Кс2, пп. а2, а2, а2, а3, ф2, а2; черные — Кр17, Фс7, Лс4, Лс8, Сл4, Кс2, пп. б5, б7, с7, с7, ф7), таковы: 1... Кр1? 2. фФд2+1, 3. Кр1? 2 С12+1, 4. Сл6 Л1:х6.

2. Ловушка белых в предложенной позиции (белые — Кр2, Фз3, Лд1, Л1, Сд2, С14, Кс3, пп. а2, б2, с2, д4, ф2, а2, н2; черные — Кр8, Фс6, Лс8, Лс8, Сл4, Кс4, Кс6, пп. а7, б7, с6, е6, ф7, а7, б7) заключалась в следующем: 1... фФд4? 2. Кр1 С1:С7 3. Фс6+! бс4 С6:х.

3. Жертвой коня, а затем и ферзя завершилась борьба в позиции: белые — Кр1, Фс1, Лд3, Сл6, Кс5, пп. а2, б2, с2, ф2, а2, б2; черные — Кр6, Фс1, Лс6, Л7, Сб6, Кс6, пп. а5, а7, с7, ф6, а7, б7. Партия закончилась так: 1. Кс4 а2 2. фФс1 Фс1+ в3 в3+! 3. Фс1 Фс7 4. Л1:а7! 5. Фс2 5. Лсб+! 6. Л1:а7! 6. Лсб-Л8 7. Л:фх.

4. К этому интересному положению пришла партия, которую сле-

жиды, Фс6, Лс1, Лс3, пп. ф7, а6, б7) черные проследили зрелищную замаскированную спланированную комбинацию партнера. Было сыграно: 1. Л:с3 2. Лс3 Ф:с3! (первоначально черные поспешеством променяли отдачи качества — Л1:ф3 3. Фс1 Л:а1 4. б4+ с неизбежным матом.

6. В положении, которое вы видите на диаграмме, белые ушли от



поражения, поперетовав подряд две легки фигуры: 1. Ф:н8! Кс:д4+ 2. Кр1! 1. Фс3 Ф:с3+ 3. а3 Сс5 4. Л1:а1, и белым остается черная позиция: Ф:д3 Л:1 д1! Ф:с4 4. Лд3+ С16 5. Л:ф3 6. Л:в8. Фс6+ с «вечным» шахом.

7. На этой необычайно острой позиции (белые — Кр1, Фс2, Лс1, Л1, С14, Кс1, пп. с2, е6, а3, б6; черные — Кр8, Фс4, Лд1, Лс8, пп. б3, б5, с6, е6, ф7) испулились даже некоторые лидеры олимпиады. Оказывается, что черные светлой жертвой осмели своих ладей могут одним ферзем победно и заволашевать неприятельского короля! 1... Л1:б1+ 2. Кр:б1 Лд1+! 3. Кр:а1 Фд4+ 4. Кр:а1 Фд2+ 5. Кр:с1 Фд1+ 6. Кр:с2 Фс2+ 7. Кр:ф3 Фс2+ 8. Кр:д4 Фс4+ 9. Кр:а2 Фс1+ 10. Кр:б6 Ф7+ 11. Кр:е5 Ф15+! (Этот шах многие участники тура проследили). 12. Кр:а4 Ф5+ 13. Кр:с3 Фс4 14. Кр:д2 Фс2х. Великолепная комбинация!

8. В позиции (белые — Кр1, Фс4, Лс1, Кс2, Кс4, пп. ф2, ф2, г2, н2; черные — Кр8, Фс6, Лс8, С13, С13, пп. а4, с4, ф6, а7, б7) после оконченого хода черных 1... Ф:с4! белым удалось добиться «вечного» чересполосица, но только лобовитной комбинацией: 2. Фс6-Кр8 3. Кс6-! 4. Ф:н3-Кр8 5. Фс6+ т.д. а.

9. И в следующей позиции (белые — Кр14, Фс7, Лс8, пп. ф2, г2; черные — Кр7, Фс1, Лс3, пп. с2, с2, ф7, н7) игрались весьма распаты неординарно, на этот раз партнер, комбинацией: 1. Фс1-Кр6 2. Фс8-Кр5 3. фс4-! 4. Лд5+! ед5 5. Фсб+! ф8! 6. Лг.

10. Судя по письмам участников олимпиады, им очень понравил-



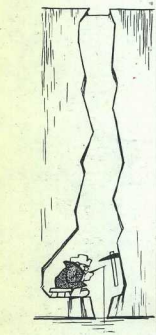
вилась красивая жертва ферзя, которой черные форсировали победу: 1... Ф:11+! 2. Кр:1 Кс3+ 3. Кр:2 Кс4+ 4. Кр:1 (иначе белым вечно и програт) Кс3+ и т.д.

Таки образом, за два тура до финиша лучшие результаты в пятой шахматной олимпиаде. Самые имениты: Л. ПЕТРОВА (г. Ленинград) — 147 баллов из 160 возможных; М. ИВАНАОВ (г. Рахи, Грузинской ССР) — 146; В. ГУРВАН (г. Ленинград); А. ГРИГОРИЙ (г. Караганда, Армянской ССР) — 137; Г. ГОЛИН (г. Кромштадт); А. ПОТЕХИН (г. Череповец), И. ЧЕРНИН (г. Йошкар-Ола), А. ИРУСЛИН (г. Йошкар-Ола) — по 135; Г. ЖУРАВЛЕВ (г. Йошкар-Ола), В. КОЛЕСНИКОВ (г. Йошкар-Ола) — по 134 балла.



Отдых и лени.

Рисунок Г. и В. Каравашевых.



Рассеянный рыбак.

Рисунок В. Чупрыгина.



Рисунок В. Недогонова.

по теме Ю. Степанова.



Рисунок В. Дмитрова.

стичным комбинационным ударом выиграл заслуженный мастер спорта П. Романюкский. Борьба окончилась так: 1. Сб5! Сл6. Жертвие белого слона вело к мату после жертвы слона 2. Л:1:н7-! 2. С:е7 С:е5 3. ед Лс8 4. Л:1:н7 Кр:1:7 5. Ф:н3-Сл6 6. Л14 Кс4 7. Л:с4 Л:1:с4 8. Ф:с4 Л:с7 9. ф6, и дела черных безнадежны.

5. В позиции (белые — Кр1, Фс4, Лс1, С14, пп. а3, б5; черные—

